

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

131

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Бакашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

Printed in 1874
(Russia)

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Юридическіе знаки П. ЕФИМЕНКО.
Политическое устройство Германской импе-
ріи (Продолженіе). А. Д. ГРАДОВСКАГО.
Джонъ Стюартъ Милль М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА.
Положеніе и задачи науки древней исторіи М. ДРАГОМАНОВА.
Стрѣлецкіе бунты М. П. ПОГОДИНА.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ
пріемовъ мышленія и историческіе очерки: Ло-
гики Аристотеля, схоластической діалектики,
логики формальной и индуктивной. М. Влади-
славлева. Сиб. 1872 г. (Окончаніе). А. СВЕТИЛИНА.

Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка:
1) очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго
языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Коло-
сова. Варшава, 1872. 2) Starobulgarská fonolo-
gie se stáleм zretelem k jazyku Litevskému.
Sepsal dr. Leopold Geitler. v. Praze, 1873. А. А. ПОТЕВНИ.

Дѣтская литература. Отдыхъ, два разказа для дѣ-
тей, Е. Васильевской. С.-Петербургъ. 1874.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ во-
обще и французскаго языка въ осо-
бенности Евгенія Варона.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты,
б) низшія училища.

Ю. О. Цафъ. (Некрологъ). Фр. ШТИФТЕРА.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ ¹⁾.

(Опытъ изслѣдованія по сравнительному обычному праву).

Кажется, пробуждается новое направление, исходящее изъ той мысли, что и право имѣетъ свою природу, свои элементы и свои творенія, свои виды и свои особи, свою силу и свою слабость, свой случай и свой законъ,—природу, которую юристы и законодатели воспитываютъ или портятъ, а никогда не создаютъ. Это направление можно назвать естественно-историческимъ.

Бринцъ.

I.

Вступленіе.—Различныя названія мѣтокъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи.—Употребленіе ихъ, какъ знаковъ собственности на сѣверѣ и югѣ.—Знаки собственности, какъ доказательства въ волостныхъ судахъ.—Переходъ крестьянскихъ знаковъ по наслѣдству и измѣненія въ ихъ формѣ.

Конечно, цѣлью права, какъ науки, слѣдуетъ признать раскрытіе законовъ, по которымъ юридическія явленія рождаются, живутъ, измѣняются и умираютъ.

Указанной цѣли нельзя достигнуть, не обратившись прежде всего къ области обычнаго права, потому что тамъ наука имѣетъ дѣло съ явленіями сравнительно болѣе простыми. Обычное право не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ признано произведеніемъ воли отдѣльных индивидуумовъ, какимъ нерѣдко является право формальное; оно имѣетъ своимъ принципомъ не мотивъ, а причину, оно есть результатъ инстинктивнаго творчества цѣлаго народа; слѣдовательно,

¹⁾ Изображенія знаковъ будутъ помѣщены въ концѣ статьи.

оно представляет собою органическое явление, связанное крѣпкими узами со всѣми остальными сторонами бытовой и умственной жизни даннаго соціальнаго организма. Этими основными особенностями обычнаго права, по сравненію его съ правомъ формальнымъ, обусловливается то, что при посредствѣ изученія обычнаго права легче достигнуть цѣли раскрытія законовъ, управляющихъ юридическими явлениями. Только послѣ того, какъ будутъ подмѣчены общія начала, лежащія въ основѣ явленій обычнаго права, и причины, ихъ порождающія, можно приступать къ раскрытію законовъ, управляющихъ развитіемъ юридическихъ явленій высшаго порядка, то-есть, явленій формальнаго права. Самая юридическая догматика должна разрабатываться уже на основаніи найденныхъ такимъ образомъ общихъ началъ. По такому пути должно идти развитіе права, если оно хотеть стать наукой въ строгомъ смыслѣ этого слова и избавиться отъ той массы теорій, или хитро сплетенныхъ между собою, но покоящихся на ложныхъ, не научныхъ основахъ, или противорѣчащихъ другъ другу, которыми загромождена теперь эта отрасль знанія.

Самый раціональный пріемъ для осуществленія указанной выше цѣли заключается въ томъ, чтобы брать отдѣльными юридическія явления, предметы и институты различныхъ народовъ, подвергать ихъ критическому анализу и научному сравненію между собою, опредѣляя такимъ образомъ, подъ вліяніемъ какихъ именно бытовыхъ условій складывается тотъ или иной типъ явленія, и вслѣдствіе какихъ измѣненій въ жизненныхъ условіяхъ онъ видоизмѣняется. Слѣдуя указанному мною выше началу, предметомъ изслѣдованія должны быть прежде всего явленія обычно-правовыя.

Къ сожалѣнію, обычное право у насъ въ полномъ пренебреженіи. О важности его говорится только въ учебникахъ, преимущественно гражданскаго права, но никто почти не занимается собраніемъ матеріаловъ для него и разработкой ихъ. Въ нашихъ спеціально-юридическихъ журналахъ никогда не встрѣчается статей, посвященныхъ юридическимъ обычаямъ, не смотря даже на то, что на основахъ обычнаго права держатся юридическія отношенія огромнаго большинства населенія нашего отечества. Въ силу этого пренебреженія литературы къ юридическимъ явлениямъ народной жизни, крайне затруднительно не только осуществить задачу изученія юридическихъ законовъ, но и вообще составить себѣ понятіе о характерѣ русскаго обычнаго права.

И этимъ не хочу сказать, что если-бы у насъ нашлись лица, же-

лающія посвятить свою дѣятельность изученію обычнаго права, то они безусловно были бы лишены возможности находить для себя источники въ русской литературѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, что даже въ такой бѣдной литературѣ, какова наша, можно найти обильный источникъ свѣдѣній по любому предмету изъ области обычно-правовыхъ явленій. Но для этого нуженъ громадный трудъ, нужно разыскивать матеріалы вовсе не въ специальныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, посвященныхъ обычному праву (которыхъ почти нѣтъ), ни въ юридическихъ сочиненіяхъ вообще, но въ разнородныхъ изданіяхъ, посвященныхъ совершенно инымъ предметамъ, и по крупицѣ собирать факты. При такомъ трудѣ, мнѣ кажется, можно отыскать матеріалы для разрѣшенія всякой задачи. Я этимъ хочу сказать, что обычное право у насъ не разрабатывается не только по трудности собиранія данныхъ для него, но и по отсутствію дѣятелей на этомъ полезномъ поприщѣ. Конечно, изслѣдователей юридическихъ обычаевъ оказалось бы у насъ болѣе, еслибы предварительная работа была уже исполнена, то-есть, если-бы разбросанные тамъ и сямъ матеріалы были уже сгруппированы и изданы въ свѣтъ.

Цѣль настоящаго труда, съ одной стороны, представить по возможности полное собраніе фактовъ, относящихся къ избранному предмету, съ другой стороны—сдѣлать возможные обобщенія ихъ; согласно задачѣ, указанной выше.

Конечно, поставить себѣ цѣль, даже совершенно правильно, не значитъ еще усиленно осуществить ее. Все-таки и самая попытка достигнуть строго научной цѣли, если она основана на фактическихъ данныхъ, будетъ не бесполезна. Теорія можетъ оказаться невѣрною, но факты всегда остаются фактами. Поэтому, главное мое намѣреніе—строго держаться фактической почвы. Соображенія же разнаго рода на столько будутъ имѣть мѣсто въ моей статьѣ, на сколько они вытекаютъ изъ приводимыхъ фактовъ. Давать просторъ своимъ догадкамъ, не основаннымъ на положительныхъ данныхъ, я не буду. Всѣмъ уже хорошо извѣстно, что тѣ діалектическіе приемы, съ которыми приступали наши ученые къ изслѣдованію древней эпохи русскаго права, не запасшись достаточнымъ количествомъ положительныхъ данныхъ, представляемыхъ обычнымъ правомъ, не принесли наукѣ ничего, кромѣ кучи негоднаго ученаго хлама. Нужны, поэтому, иные научные взгляды, иные приемы.

Но о какихъ же юридическихъ знакахъ мы будемъ говорить

здѣсь? О тѣхъ, между прочимъ, которые всегда предъ глазами каждаго изъ насъ.

Взглянемъ на копчикъ посоваго платка. Мы на немъ видимъ вышитыя начальныя буквы имени и фамиліи владѣльца платка: это такъ-называемыя мѣтки. Смію думать, что никто не останавливался серьезно надъ этими ничтожными знаками, никто не придавалъ имъ особаго значенія, а тѣмъ болѣе научнаго. Тѣмъ не менѣе мѣтки эти имѣютъ длинную и интересную въ научномъ отношеніи исторію. Трудно, конечно, повѣрить съ перваго слова, что мѣтки, которыми мы носимъ теперь на своей сорочкѣ, происходятъ по прямой линіи отъ той мѣты, которую наши предки за много тысячелѣтій тому назадъ выдѣлывали на различныхъ частяхъ своего обнаженнаго тѣла, и смотрѣли на нее съ религіознымъ чувствомъ, видѣли въ ней печать, закрѣпляющую узы цѣлаго рода, а затѣмъ знакъ коллективной и частной собственности. Цѣль настоящей статьи, между прочимъ, связать цѣпью фактовъ и выводовъ изъ нихъ эти два крайнія звена однородныхъ явленій.

Въ нашей литературѣ нѣтъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ юридическимъ знакамъ. Объ этомъ предметѣ, на сколько мнѣ извѣстно, есть только одна коротенькая замѣтка А. А. Котляревскаго, которая написана по поводу статьи гр. К. П. Тышкевича „О свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ р. Вугѣ у Дрогичина“, и помѣщена въ „Древностяхъ“, издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ¹⁾. Въ этой замѣткѣ авторъ указываетъ на важное значеніе помѣтокъ, или домовыхъ знаковъ собственности крестьянъ, не только для сфрагистики, но и въ особенности для юридическихъ древностей, для бытовой стороны, и совѣтуетъ русскимъ археологамъ обратить на нихъ надлежащее вниманіе. Къ сожалѣнію, изслѣдователь черезъ-чуръ мало сообщаетъ свѣдѣній о теперешнихъ знакахъ великороссійскихъ крестьянъ, такъ что изъ сказаннаго имъ нельзя заключить, на сколько помѣтки распространены въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; видно только, что упомянутые знаки извѣстны и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей, по словамъ автора, кладутъ свои помѣтки преимущественно на движимую собственность—скотъ и разные неодушевленные предметы; при исре-

¹⁾ Древн. Труды Москов. Археол. Общ. т. I, вып. 2. М. 1867 г. стр. 242 и слѣд.

даты же недвижимой собственности передаютъ и бирку съ клеймомъ этой собственности.

Что касается до предлагаемыхъ мною свидѣній о нашихъ теперешнихъ знакахъ собственности, то они собраны въ самой сѣверной изъ губерній европейской Россіи. По свидѣніямъ, которыми я располагаю, знаки собственности въ Архангельской губерніи общеизвѣстны; ихъ употребляютъ какъ инородцы, обитающіе тамъ—Корелы, Зыряне, Самоѣды и Лопари,—такъ и русскіе крестьяне, даже мѣщане и купцы. Каждый русскій крестьянинъ и инородецъ, если онъ самостоятельный хозяинъ, имѣетъ свой собственный знакъ.

Знаки собственности въ народѣ называются *пятнами*, *знаменами*, *мѣтками*, или *отмѣтками*, *рубежами*, *домовыми* или *жердяными*, также *заручными*, или *своеручными* *клеймами*, или просто *клеймами*. Всѣ приведенныя названія относятся безразлично къ однимъ и тѣмъ же знакамъ; нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, выражаютъ различное ихъ употребленіе и начертаніе: если знакъ прикладывается къ бумагѣ, вмѣсто подписи, то его называютъ заручнымъ или своеручнымъ клеймомъ; если онъ прикладывается къ жерди, — жердянымъ клеймомъ; если состоитъ изъ прямой линіи и вырубленъ топоромъ—рубежемъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ знаки собственности преимущественно называются *клеймами*, въ Пинежскомъ — *пятнами* и т. п. Накладывать свое клеймо на что-либо по народному: *пятнать*, *клеймить*, *засмачивать*, *отзначать*, *заорлить*.

Русскіе и инородческіе знаки раздѣляются на два вида: одни изъ нихъ состоятъ изъ начальныхъ буквъ имени и фамиліи домохозяина, другіе—изъ совершенно оригинальныхъ начертаній и вырѣзокъ. Последние, какъ у Русскихъ, такъ и у инородцевъ, имѣютъ по большей части видъ или простыхъ прямыхъ линій, или линій ломанныхъ, или перекрестныхъ. Но между русскими и инородческими знаками та разница, что въ первыхъ преобладаютъ болѣе простые, состоящіе изъ прямыхъ однообразныхъ линій (рубежи), тогда какъ въ послѣднихъ замѣтно больше разнообразія и уклоненія къ начертаніямъ болѣе сложнымъ, а иногда и округленнымъ ¹⁾.

Каждое отдѣльное пятно рѣдко носитъ у русскихъ крестьянъ особое самостоятельное названіе, какъ напримѣръ, *крестъ* (№ 1), *сорочья лапа* (№ 22), *воронья лапа* (№ 54), *рубежь* (№ 72), *покой* (то-

¹⁾ Клейма Лопарей и Кореловъ изображены на таблицѣ,—первыхъ подъ № № 165—196, а вторыхъ подъ № № 197—303.

есть, буква п, № 23). Обыкновенно же на вопросъ, какое у тебя клеймо? крестьянинъ прибѣгаетъ къ описательному способу объясненія: *два рубежа прямыхъ, третье косó* (№ 35), *два рубежа сверху на-разно, а внизу сошлись къ себѣ* (№ 42), *два поперечныхъ рубежа и одинъ вдоль въ серединѣ* (№ 36), или *крестъ съ прямымъ рубежомъ* (№ 28), *два рубежа съ отплаткомъ по серединѣ* (№ 38). *Отплаткомъ, отплаточкомъ* или *отплатишемъ* называется значекъ при клеймѣ, въ видѣ запятой или маленькой черточки (№№ 2, 6, 11, 12, 16, 17, 18 и мн. др.).

Его называютъ еще *пятой* или *пяткой*, потому, по объясненію крестьянъ, что онъ дѣлается пятой топора, а не всѣмъ лезвіемъ. Иногда тотъ же значекъ называется *отклеемкой* и *полурубежемъ* (№№ 64, 134).

Употребленіе знаковь собственности на крайнемъ Сѣверѣ очень разнообразно. Ими отмѣчаются всѣ принадлежности хозяйства: столовые ложки, стаканы ¹⁾, топоры, серпы, лопаты, вилы, дуги, сѣти, бочки и пр. У прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря также заклеиваются лодки, весла, багры, потому что все это нерѣдко уносится съ приливомъ въ море и потомъ снова выбрасывается на берегъ. Иногда деревенскія дѣвушки вышиваютъ ихъ на платкахъ и перчаткахъ. Ими клеймятъ домашнихъ животныхъ, въ особенности оленей въ сѣверныхъ уѣздахъ, такъ какъ олени легко разбѣгаются и теряются въ беспредѣльныхъ лѣсахъ и тундрахъ. Клейма у оленей вырѣзаются ножомъ или пожницами на боку въ шерсти. Коровамъ въ Холмогорахъ всегда вырѣзаютъ клейма на рогахъ; въ окрестныхъ же деревняхъ это дѣлается только въ томъ случаѣ, если вывозятъ ихъ на лѣто на острова, гдѣ нѣтъ жилья. Но коровъ не таврятъ желѣзомъ, какъ это дѣлается на югѣ Россіи. Только по правиламъ для выставокъ рогатаго скота въ Пинегѣ и Холмогорахъ, утвержденнымъ министромъ государственныхъ имуществъ, животныя, получившія на выставкѣ премію, заклеиваются особымъ тавромъ П. В., то-есть, Пинежская выставка и Х. В., то-есть, Холмогорская выставка. Заклеймить такимъ образомъ скотъ значитъ, по выраженію пинежскихъ крестьянъ, *заорлить* его,—заклеймленная скотина, на ихъ языкѣ, *заорленная*. Слово заорлить въ данномъ случаѣ значитъ заклеить казеннымъ тавромъ; оно произошло отъ обыкновенія накладывать госу-

¹⁾ У крестьянъ въ большомъ употребленіи оловянные стаканы, въ которыхъ зипки дѣлаются на днѣ.

дарственный гербъ на разные предметы, напримѣръ, на бумагу. Такая бумага называлась здѣсь въ прошломъ столѣтіи орлепою.

Лошадямъ крестьяне вырѣзываютъ клейма на копытѣ, обыкновенно правой передней ноги. Кромѣ того, въ Холмогорахъ выжигаютъ знаки на холкѣ, но не каждый свое клеймо, а только изображеніе подковы или круга, въ Пинежскомъ уѣздѣ—изображеніе трехъ прямыхъ рубежей. Прежде въ Холмогорахъ и окрестныхъ селеніяхъ былъ обычай навязывать на шею лошади на спуркѣ маленькую дощечку съ вырѣзаннымъ на ней знакомъ собственности или именемъ и фамиліей владѣльца; но теперь этотъ обычай вывелся, такъ какъ, по словамъ крестьянъ, бывали случаи, что лошади давились спурками. Въ другихъ же уѣздахъ, напримѣръ Пинежскомъ, это обыкновеніе до сихъ поръ имѣетъ мѣсто. Чтобы отличать въ общихъ стадахъ своихъ овецъ, которыя вообще представляютъ мало рѣзкихъ вышпникъ различій, хозяева ихъ дѣлаютъ на лбу животныхъ дегтемъ кресты и другія мѣтки. Кромѣ того, лошадямъ, оленямъ и овцамъ дѣлаютъ еще извѣстные надрѣзы на ушахъ, что также служитъ примѣтою для ихъ владѣльцевъ. Лошадямъ еще влетаютъ въ гривы *косоцветки* (ленточки), иногда съ знаками собственности, овцамъ продѣваютъ въ уши куски разноцвѣтныхъ матерій (это называется *серма*), или привязываютъ къ ногѣ красный лоскутокъ и т. д. Если розыскиваютъ какое-либо затерявшееся домашнее животное, то, въ числѣ примѣтъ, заявляютъ и о знакѣ на немъ. Между розыскными статьями, печатающимися въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, мы прочли въ нынѣшнемъ году два розыска объ ушедшихъ лошадяхъ; въ одномъ изъ нихъ говорится между прочимъ: около шеи привязанъ плавочникъ (дощечка) съ надписью: Патриѣвскаго волостнаго правленія Василья Буркова (Арх. губ. вѣд. 1871 г. № 53), въ другомъ: три въ гривѣ косоцветки—одна ситцевый лоскутокъ, съ словами А. Ф. У., вторая косоцветка—тканый лоскутокъ и третья — бумажная питка.

Въ приведенныхъ до сего случаяхъ, какъ мы видѣли, клейма налагаются на такіе предметы, которые находятся въ исключительно частномъ владѣніи и потому вполне могутъ называться знаками полной, неограниченной собственности. Въ другихъ случаяхъ клейма налагаются на такіе предметы, которые приобрѣтаются въ собственность или въ вѣчное пользованіе среди общиннаго или казеннаго, вообще чужаго, посторонняго владѣнія. Тутъ заклеиваніе обозначаетъ право законнаго, а иногда и вовсе не законнаго, а только признаваемаго

обычаемъ присвоенія или перваго завладѣнія вещью; клеймами также обозначаются различные предметы промысловъ.

Въ приморскихъ мѣстностяхъ, если будетъ найденъ выброшенный моремъ не особенно цѣнный предметъ, то онъ обозначается, въ знакъ завладѣнія, клеймомъ нашедшаго. Часто приходится видѣть на берегахъ Бѣлаго моря множество дровъ, бревенъ, жердей, разныхъ остатковъ разбитыхъ судовъ и проч. Все это подбирается мѣстными жителями. Собирающій эти предметы оттаскиваетъ ихъ въ сторону и складываетъ въ кучи, и чтобы показать, что на нихъ уже наложена рука человѣческая, клеймитъ ихъ своимъ клеймомъ и оставляетъ до поры до времени на берегу.

Обыватели южныхъ уѣздовъ, преимущественно Шенкурскаго, которые занимаются смолокурениемъ, получивъ право на приготовленіе смолы изъ лѣса, принадлежащаго казнѣ или удѣлу, предварительно *засачиваютъ* въ извѣстномъ мѣстѣ дерева, то-есть, сдираютъ съ дерева всю кору, кромѣ одной полосы съ сѣверной стороны, и оставляютъ ихъ въ такомъ видѣ на нѣсколько лѣтъ расти и наполняться смолою. При этомъ каждый крестьянинъ вырѣзываетъ на всѣхъ своихъ деревьяхъ пятна, чтобы никто иной не завладѣлъ тѣмъ же мѣстомъ и не присвоилъ себѣ дерево.

Клейма кладутся также на дрова и жерди, вырубаемыя въ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ. Дрова иногда мѣтятся углемъ, чаще зарубками; жерди же всегда—зарубками на затеси. Если крестьянинъ рубить деревья и бревна отдѣльно отъ другихъ крестьянъ и отдѣльно отвозить, то не всегда мѣтитъ ихъ; но это непремѣнно соблюдается, когда деревья рубятся многими въ одномъ мѣстѣ или когда приходится спозить ихъ на одно общее катище, чтобы потомъ *плотить* (сплавлять) ихъ домой. Иногда, какъ я видѣлъ въ Холмогорахъ, пятнаютъ только *ведила*, то-есть, основныя бревна плотовъ, приплавляемыхъ для обращенія на дрова.

Въ Кемскомъ уѣздѣ на Выгѣ (рѣкѣ) существуютъ пороги. Когда спускаютъ по этой рѣкѣ плоты, то ихъ обыкновенно разбиваетъ на порогахъ, тогда ниже пороговъ ловить бревна снова и собираютъ вмѣстѣ,—каждый хозяинъ узнаетъ свою собственность по замѣтѣ.

Если охотникъ, въ Пинежскомъ и другихъ уѣздахъ, замѣтитъ медвѣдя, лежащаго въ берлогѣ, то помѣчаетъ нарѣзомъ ближайшую ель, и тогда уже никто, кромѣ его, не имѣетъ права стрѣлять того

медвѣдя.—Иногда крестьяне за деньги передаютъ другъ другу берлоги, которыя имѣютъ на примѣтъ ¹⁾).

Когда у жителей Поморья случится обильный промыселъ морскаго звѣря, такъ что приходится складывать кожи и сало въ какомъ-либо пустынномъ мѣстѣ, пока не окончится промыселъ, то промышленники кладутъ обыкновенно при оставляемой добычѣ свои *бирки* (клеймо). И тамъ это считается неприкосновенною собственностію хозяина, болѣе неприкосновенною, чѣмъ какой-либо другой видъ собственности. Если кто и найдетъ эту добычу, прежде нежели хозяинъ придетъ за нею, то непременно доставить ее въ деревню по биркѣ ²⁾; тюленьи промышленники на связку добытыхъ кожъ (юрокъ), жертвуемыхъ на церкви, кладутъ постоянно одно и тоже пятно, *крыжъ* (четыреконечный крестъ), чтобы не смѣшать ее съ другими ³⁾.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне постоянно занимаются охотой за лѣсною дичью, напримѣръ, въ Пинежскомъ уѣздѣ, почти каждый поселянинъ имѣетъ для этого свое *угодье* или *путикъ*, который или переходитъ изъ рода въ родъ, по наслѣдству, или пріобрѣтается покупкой, или прокладывается самимъ хозяиномъ. Вотъ какъ прокладываются эти путики или *тропы*. Крестьянинъ пробирается чрезъ нетронутые лѣса на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, срубаетъ вѣтви съ одной стороны деревь, дѣлаетъ на извѣстномъ разстояніи топоромъ *тесъ* или *затесъ*, то-есть, стесываетъ на стволѣ небольшую полосу и чрезъ нѣсколько затесей вырубаетъ на деревѣ свое клеймо. Путикъ, проложенный такимъ образомъ и заклеимленный знаками крестьянина, становится его полною собственностію, которую онъ можетъ и заложить, и продать. Изъ случая какого-либо спора о путикѣ, волостной судъ назначаетъ знающихъ свидѣтелей для осмотра затесей и знаковъ на нихъ, указывающихъ, куда направляется путикъ и кому онъ принадлежитъ. Согласно показанію свидѣтелей, судъ постановляетъ свое рѣшеніе о спорномъ предметѣ (рѣшеніе Пыскаго волостнаго суда, Пинежскаго уѣзда, 1-го декабря 1868 г.).

Въ послѣднемъ случаѣ клеймо служитъ не только знакомъ собственности, но и указателемъ границы или межи. Такое значеніе

¹⁾ Очерки природы и быта Бѣломорск. края А. Михайлова. Спб. 1868 г. стр. 272—273.

²⁾ Арх. губ. отдѣл. 1846 г. № 51.

³⁾ Сборн. матер. объ артеляхъ въ Россіи, вып. 1-й. Артели въ Арханг. губ., А. Ефименко, стр. 40.

его еще болѣе выяснится, если мы разкажемъ, какъ крестьяне раздѣляютъ между собою *чищенины*, то-есть, не обработанныя лѣсныя мѣста, для обращенія ихъ въ пашни и сѣнокосы, а также и вообще луга и поля. Крестьяне близъ города Холмогоръ, взявъ цѣлою деревнею или партіею чищенину на какомъ-либо островѣ, распредѣляютъ ее между собою такимъ образомъ: отиѣриваютъ по ширинѣ взятаго лѣснаго участка число сажень, соответствующее паю каждого изъ нихъ, и на границы каждого пая ставятъ *межникъ* (межевой знакъ)—нѣсколько камней или коль съ вырѣзаннымъ на немъ клеймомъ и на ближайшемъ деревѣ также вырѣзывается клеймо. То же самое дѣлается и съ противоположной стороны четырехугольника, отведеннаго подъ чищенину. Такимъ образомъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ опредѣляются границы широты каждого участка. Затѣмъ два человѣка идутъ съ той и съ другой стороны отъ межниковъ одного и того же хозяина, на встрѣчу другъ другу, и дѣлаютъ топорами затеси на деревьяхъ, а для того, чтобъ сойдтись какъ разъ въ одномъ пунктѣ и не сбиться въ сторону, постоянно перекликаются. Такъ продѣлываются пограничныя тропинки вдоль всей чищенины.

При раздѣлѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель послѣ ревизіи, крестьяне устраиваютъ обыкновенно общую изгородь, которая называется *стѣннымъ огородомъ*, или *стѣной* и служитъ для отдѣленія полей и сѣнокосовъ отъ пастбищъ. Для этого они сначала измѣряютъ длину мѣста, на которомъ устраивается изгородь, а затѣмъ считаютъ количество всей земли, которую надо загородить. Раздѣливъ одно количество на другое, узнаютъ по скольку изгороди приходится городить владѣльцу каждой сажени, и затѣмъ соответственное количество изгороди каждый хозяинъ обязанъ поставить. Отиѣривъ это пространство, копаютъ на границѣ яму, какъ и при раздѣлѣ чищенины, и ставятъ колья съ клеймами хозяевъ, или вырѣзываютъ эти клейма на стоящихъ вблизи деревьяхъ. На каждой изъ жердей изгороди также вырубаются клейма. Устройство и поправка стѣнковой изгороди настолько обязательны для каждого участника, что сельскія власти ходятъ ежегодно весной, вмѣстѣ съ крестьянами, осматривать огороды и если замѣтятъ плохую изгородь, хозяина которой сейчасъ узнаютъ по клеймамъ, то принуждаютъ поправить; въ случаѣ же упорства, тутъ же судятъ своимъ „*братскимъ судомъ*“ и наказываютъ розгами. Это дѣлается для предупрежденія потравъ и вытекающихъ отсюда ссоръ. Кромѣ общихъ стѣновыхъ огородовъ,

бываетъ множество частныхъ огородовъ или *ободовъ*, принадлежащихъ одному или нѣсколькимъ хозяевамъ. Чтобы узнать, гдѣ оканчивается поле или лугъ одного хозяина и начинается другаго, владѣльцы и въ этомъ случаѣ дѣлаютъ клейма на каждой жерди изгороди.

Черезъ клейменіе предохраняются, по возможности, отъ утраты и самыя жерди. Такъ какъ каждому хозяину нужно очень много жердей (отъ 300 до 1.000 штукъ), а по обычаю, жердя никогда не берутъ взаймы—стыдно, говорятъ крестьяне, брать, потому что оно заклеименное, — то хозяева, побѣдише, стараются захватить и присвоить чужія жерди, стесывая на нихъ знаки собственности и палая свои. Это переклейменіе можно всегда замѣтить и оно служить доказательствомъ присвоенія чужой жерди. Вообще изъ-за жердей у крестьянъ бываетъ больше всего споровъ и ссоръ.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раздѣлъ сѣнокосныхъ луговъ производится ежегодно, знаки собственности вырѣзываются на тычинкахъ, которыя употребляются вмѣсто жеребьевъ, когда бросаютъ ихъ, чтобы узнать, кому послѣ кого владѣть сѣнокоснымъ мѣстомъ; жеребьи вынимаются и по порядку записываются на палочкѣ или биркѣ. Потомъ эти же тычинки втыкаются въ землю, чтобъ обозначить мѣсто, съ котораго каждый долженъ владѣть.

Иногда клейма прямо кладутся на деревья, означающія предѣлы извѣстнаго владѣнія. Такъ, въ 1869 году крестьянинъ Родіоновъ, повѣренный купцовъ Шрейберъ, который занимался разысканіемъ рудъ въ Кемскомъ уѣздѣ, открылъ мѣдную руду въ лѣсистомъ мѣстѣ Тунгудской волости и обозначилъ это пространство клеймами, выжженными на деревьяхъ: „первое на большой соснѣ, отъ юга на сѣверъ, а остальные—на большихъ еляхъ, именно: второе отъ востока на западъ, третье отъ сѣверо-востока на юго-западъ, и четвертое отъ юго-запада на сѣверо-востокъ“ (Книга сдѣлокъ и договоровъ Тунгудской волости за 1869 годъ, № 9).

Въ 1864 году вышло отъ управляющаго Архангельскою палатою государственныхъ имуществъ предписаніе, чтобы крестьяне складывали въ магазины весь свой хлѣбъ, предназначенный на сѣмена. Вслѣдствіе этого предписанія, крестьяне стали складывать свой хлѣбъ въ магазины въ особыхъ мѣшкахъ, къ которымъ привѣшивали бирки съ обозначеніемъ количества хлѣба, вырѣзывая на биркѣ свои пятна. Самые мѣшки также обозначались пятнами, какъ это дѣлается и тогда, когда отвозятъ хлѣбъ на мельницу. Теперь крестьяне уже не хранятъ свой хлѣбъ, предназначенный для посѣва, въ

магазинахъ; въ нихъ держится только тотъ хлѣбъ, который собирается съ крестьянъ, въ силу закона, для займовъ на обсѣменение полей. Этотъ хлѣбъ ссыпается въ одно мѣсто, и при ссыпкѣ его хлѣбные смотрители ведутъ на биркахъ счетъ количеству хлѣба.

Эти бирки сходны съ долговыми рубежами или палочками, на которыхъ должники обозначаютъ прямыми линиями и крестами количество занятыхъ денегъ, закрѣпляя ихъ собственнымъ пятномъ. Здѣсь бирки играютъ роль заемныхъ росписокъ, а клеймо служитъ вѣсто подписи должника. Клеймо является личнымъ знакомъ, а не знакомъ собственности.

Иногда клейма употребляются какъ подписи на бумагахъ. Такъ въ Мезенскомъ и Кемскомъ уѣздахъ въ нѣкоторыхъ русскихъ волостяхъ даже должностныя лица, напримѣръ, волостные судьи, употребляютъ ихъ вѣсто рукоприкладства. Въ такихъ случаяхъ своеобразныя клейма, какъ ихъ называютъ, у русскихъ крестьянъ состоятъ изъ первыхъ буквъ имени и фамиліи. Только въ рѣшенияхъ Нюхотской волости, Кемскаго уѣзда, попались намъ подписи судей съ своеобразными знаками (см. №№ 91—102). Въ Пинежскомъ уѣздѣ такіе обычные знаки иногда прикладываются къ приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ (см. №№ 88—90).

Въ деревняхъ Архангельской губерніи съ Семенова дня до Николи вешняго ходятъ по ночамъ караульщики. Для соблюденія и узнанія очередей пользуются такъ-называемою *обходной палкой*. Это—длинная четырехугольная палка, на которой каждый хозяинъ, отбывшій свою очередь, означаетъ свое клеймо и передаетъ ее слѣдующему. Такія отмѣтки клеймъ даютъ возможность провѣрять кто отбылъ свою очередь и кто не отбылъ, или кто продержалъ у себя палку нѣсколько дней, не передавая ее слѣдующему. Такимъ образомъ домохозяинъ, сдѣлавшій упущеніе, можетъ быть открытъ при помощи обходной палки. Обходная палка замѣняетъ здѣсь записную тетрадь или списокъ фамилій крестьянъ и ихъ очередей.

Торгующіе крестьяне или купчики заклеиваютъ своими знаками товары, приобретаемые ими отъ крестьянъ-промышленниковъ; напримѣръ, въ Поморьѣ накладываютъ клейма на *сельдянки*, то-есть, бочки съ сельдями, которыя перекупаются у промышленниковъ и отправляются для продажи въ Архангельскъ и другія мѣста (рѣшенія Керетскаго волостнаго суда 16-го октября 1868 г., Понгамскаго волостнаго суда 4-го февраля 1868 г.). Въ этомъ случаѣ знакъ собственности становится торговымъ клеймомъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ разнообразіи примѣненіи клеймъ у обитателей отдаленнаго сѣвера и ихъ важномъ значеніи въ средѣ тамошняго крестьянства. Удобнѣйшее распознаваніе предметовъ собственности и огражденіе ихъ отъ присвоенія и похищенія—вотъ главная цѣль нашихъ клеймъ. Будучи знаками собственности, клейма въ то же время становятся и знаками перваго завладѣнія вещью, знакомъ пользованія ею, также торговыми и межевными знаками; вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляютъ собою личные знаки, употребляющіеся вмѣсто подписей и т. п.

Въ южныхъ губерніяхъ знаки собственности далеко не играютъ той роли, какъ на крайнемъ сѣверѣ. Тамъ едва сохранились жалкіе остатки ихъ. Такъ, въ Воронежской губерніи крестьяне имѣютъ особые знаки для обозначенія полей. У cadaго землевладѣльца есть свой знакъ, который выдѣлывается имъ сохой на своей нивѣ, чтобы можно было удобнѣе отыскать ниву и отличить отъ другихъ. Тамъ, гдѣ выдѣланъ знакъ, хлѣбъ растетъ ниже и потому его форму легко замѣтить. Большею частью такими знаками служатъ буквы, а иногда какіе-либо произвольные значки, въ видѣ колеса, телѣги (четыреугольника), пожницъ и т. п. Этими знаками иногда пользуются послѣдственно. Не рѣдко знаки въ Воронежской губерніи и въ Тамбовской выдѣлываются на полостяхъ ¹⁾, на желѣзныхъ топорахъ, вилахъ и т. п. Но въ этихъ случаяхъ рѣдко кладутся тѣ же знаки, что и на поляхъ; по большей части хозяинъ вслѣдъ шерстобиту или кузнецу выдѣлать знакъ совершенно произвольный. На жеребьяхъ, которые бросаютъ при раздѣлѣ полей, также вырѣзываются каждымъ хозяиномъ знаки, но тоже произвольные, какой кому вздумается. Постоянство наблюдается только въ знакахъ, налагаемыхъ на животныхъ ²⁾.

У лошадей, овецъ и коровъ знаки дѣлаются на ушахъ, у одного, напримѣръ, хозяина правое ухо лошади не много подрѣзано ³⁾, другой у овецъ вырѣзываетъ небольшую щербину на правомъ ухѣ, снизу третій дѣлаетъ на телушкѣ мѣтку: „лѣвое ухо отрѣзано, два раза порано, въ концѣ то же угольника, правое не совсѣмъ отрѣзано, а два раза порано, въ концѣ то же угольника“. У четвертаго

¹⁾ Труды Комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Т. I. Тамбовская губернія, стр. 494.

²⁾ Свидѣнія о знакахъ крестьянъ Воронежской губерніи собраны мною въ г. Воронежѣ.

³⁾ Труды по преобр. вол. суд., т. 1 стр. 149, 795, 426, 426.

телушка имѣеть на лѣвомъ ухѣ сверху и снизу по косому, нарѣзу.

Пастухи обыкновенно знаютъ мѣты всѣхъ хозяевъ деревни ¹⁾. Хозяева во время сборки стада предъявляютъ, или сами пастухи узнаютъ отъ хозяевъ объ ихъ мѣтахъ. Если корова или другое домашнее животное падеть, то пастухъ обязанъ представить хозяину кожу съ ушами и съ клеймами, дабы тотъ могъ узнать, дѣйствительно ли животное пало, или же оно зарѣзано, и притомъ принадлежитъ ли ему, или нѣтъ; иногда пастухи представляютъ одни уши. Эти мѣты не мѣняются хозяевами. Но у птицъ ихъ иногда измѣняютъ.

Курамъ и гусямъ подсѣкаютъ, для отличія, тотъ или другой ноготь; у гусей также разрѣзываютъ различнымъ образомъ перепонку на ногахъ.

Въ Малороссіи, собственно въ Черниговской губерніи, всѣ мастера кладутъ разные значки на орудіяхъ труда, напримѣръ, плотники, печники, столяры, сапожники; на полотенцахъ бываютъ особня мережки. Въ Сосницкомъ уѣздѣ существуютъ бортные знаки ²⁾. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи, насколько я припоминаю, крестьяне, изъ Малороссіи, выдѣлываютъ особые знаки на арбузахъ, когда тѣ растутъ на бакчахъ. Гуцулы, малороссіянское племя, живущее въ Карпатскихъ горахъ, дѣлаютъ знаки на своихъ топорахъ въ видѣ крестовъ, кружковъ и звѣздочекъ: +, ×, ○, ⊗ ³⁾.

На сколько эти знаки у Малороссіянъ связываются съ личностію ихъ владѣльцевъ, мнѣ не извѣстно. Но можно, судя по незначительному кругу ихъ употребленія, полагать вообще, что большая часть изъ нихъ не постоянны и далеко не играютъ той роли, какъ знаки собственности на крайнемъ сѣверѣ.

Главное назначеніе знаковъ собственности, какъ мы сказали, состоитъ въ огражденіи различныхъ предметовъ хозяйства отъ присвоенія и похищенія. Въ Архангельской губерніи по пятну всегда можно узнать, кому принадлежитъ вещь, такъ какъ пятна бываютъ извѣстны если не всему обществу, то всей деревнѣ; поэтому похитители чужихъ вещей, заклеянныхъ знаками собственности, обыкновенно стараются уничтожить эти знаки, срѣзывая и соскабливая ихъ, и наложить свои. Это называется *перепятнать* вещь на свое

¹⁾ Тамъ же, стр. 534, 426, 69, 818, 426.

²⁾ Сообщилъ Н. Н. Вязозерскій.

³⁾ Сообщилъ Н. Н. Вязозерскій.

клеймо, *переклеймить* или *перезнаменовать*. Уничтоженіе клейма на чужой вещи, равно какъ и нахожденіе похищенной вещи въ чужихъ рукахъ, но съ клеймомъ ея хозяйина, всегда служить въ крестьянскихъ судахъ юридическимъ доказательствомъ въ совершеніи преступленія. Приводимъ нѣсколько случаевъ этого рода изъ рѣшенія волостныхъ судовъ разныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи:

Когда у одного крестьянина пропали оловянные стаканы, которые были съ мѣтками, онъ взялъ съ собою десятскаго и сосѣдей и сдѣлалъ обыскъ у другаго крестьянина, подозрѣваемаго имъ въ воровствѣ. Стаканы дѣйствительно нашлись и мѣтки на нихъ были уже соструганы. Вслѣдствіе этого, подозрѣваемый былъ признанъ судомъ виновнымъ въ кражѣ (рѣшеніе Устьпаденскаго волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, 10-го октября 1865 года).

Воръ, укравъ дугу, „окрасилъ ее подъ имя отца своего“, то есть, перекрасилъ ее и клеймо на ней, и былъ поэтому приговоренъ судомъ къ наказанію (рѣшеніе Благовѣщенскаго волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, 7-го августа 1866 года).

Крестьянинъ заявляетъ, что у него изъ числа деревьевъ, нарубленныхъ и оставленныхъ въ лѣсу, пропало нѣсколько штукъ и носится слухъ, что ихъ увезъ другой крестьянинъ. По свидѣтельству старосты и понятыхъ найдено у подозрѣваемаго 2 дерева съ пятнами истца: XI, а на остальныхъ деревьяхъ пятна стесаны. Судъ обвинилъ отвѣтчика (рѣшеніе Великоновольскаго волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, 7-го и 20-го октября 1868 года).

Судъ обвиняетъ крестьянина въ кражѣ трехъ возовъ дровъ, на томъ основаніи, что онъ „уличается въ похищеніи дровъ слѣдами на землѣ разнообразныхъ колесъ его телѣги и пятнами на дровахъ, найденныхъ у отвѣтчика, принадлежащихъ истцу“ (рѣшеніе Великоновольскаго волостнаго суда, 8-го октября 1867 года).

Крестьянинъ жалуется, что односелецъ его срубилъ и увезъ принадлежащій ему смольнякъ, и потому просить отобрать смольнякъ. Увезшій оправдывается тѣмъ, что смолье, которое онъ привезъ домой, было первоначально засочено его родственниками, но съ чего истецъ вздумалъ подновлять и окончательнo снимать ремни съ дерева, онъ не знаетъ. При осмотрѣ порубки волостнымъ судомъ и понятыми оказалось, что „дерево съ давнею и весьма низкою засочкою, съ наложенными на старой засочкѣ пятнами истца X, подновленное и окончательнo срубленное“. Поэтому судъ призналъ смолье собствен-

ностью истца (рѣшеніе Устьпаденскаго волостнаго суда 1868 года 24-го ноября).

Изъ одного рѣшенія волостнаго суда Мезенскаго уѣзда видно, что воровство оленей обнаруживается чрезъ осмотръ оленьихъ кожъ, найденныхъ у вора, который обрѣзалъ уши для скрытія клеймъ (рѣшеніе Устьцылемскаго волостнаго суда 3-го февраля 1868 года).

Когда произойдетъ какой-либо споръ о скотѣ пригульномъ или найденномъ въ пустынномъ мѣстѣ, вдали отъ жилья, и этотъ споръ поступитъ на разбирательство волостнаго суда, то судьи всегда осматриваютъ на животномъ знаки собственности, удостовѣряющіе о принадлежности его тому или другому хозяину. Привожу въ примѣръ цѣликомъ подходящее сюда рѣшеніе Ярушевскаго волостнаго суда, Пинежскаго уѣзда, состоявшееся по дѣлу между крестьянами Чемакинымъ и Микинымъ. „Крестьянинъ Микинъ сознался, что неизвестно кому принадлежащую овцу съ ягненкомъ поймалъ. Судьи лично видѣли оныхъ, равно и знамя у нихъ, и приговорили: за труды, то есть, доставку овецъ за 45 верстъ, равно за прокормленіе ихъ около двухъ мѣсяцевъ, долженъ Чемакинъ (хозяинъ) удовлетворить Микина однимъ рублемъ двадцатью копѣйками, тогда въ правѣ можетъ получить овецъ; на что согласенъ и Микинъ, и это по чистой совѣсти справедливо. Что же касается поступка Микина въ самовольномъ будто бы захватѣ чужаго имущества, то это нисколько не обвиняетъ его, что прибралъ овцу въ пустомъ и столь дальнемъ мѣстѣ“ (11-го декабря 1866 года).

Въ Тамбовской губерніи, если произойдетъ споръ о принадлежности какого-либо домашняго животнаго тому или другому лицу и дѣло дойдетъ до волостнаго суда, то въ этомъ случаѣ выставляются одною или другою стороною свидѣтели, знающіе мѣты ихъ животныхъ и могущіе удостовѣрить въ дѣйствительной принадлежности животнаго; тогда призываютъ также пастуховъ, для удостовѣренія въ томъ, какія именно мѣты у спорящихъ. Для освидѣтельствованія клеймъ и для сличенія ихъ, призываются посторонніе старики, или осматриваютъ ихъ сельскія власти. То же самое дѣлается при обыскахъ, когда дѣло возникнетъ о кражѣ какого-либо животнаго. И здѣсь воръ, укравшій овцу, обыкновенно зарѣжетъ ея, спиметъ кожу и отрѣжетъ, какъ улику, уши. У краденныхъ гусей воры отсѣкаютъ когти, если примѣтой служить отрѣзанный коготь ¹⁾.

¹⁾ Тр. Ком. по преобр. вел. суд. т. 1-й стр. 426, 795, 149, 426, 818, 762, 69, 818.

Мы видѣли, что на крайнемъ сѣверѣ клейма кладутся на всякаго рода вещи, такъ какъ вещи могутъ быть предметомъ спора или составляютъ собственность, требующую юридической помощи, для доказательства своей принадлежности. Съ другой стороны, клейма составляютъ не только знакъ собственности, но и знакъ происхожденія. Какъ таковыя, они называются своеручными или заручными клеймами.

Если разбираемыя нами клейма связаны съ личностію ихъ владельцевъ, то является вопросъ: какимъ образомъ они переходятъ отъ одного лица къ другому, отъ поколѣнія къ поколѣнію—такъ ли какъ гербы, то-есть, въ неизмѣнномъ видѣ, или измѣняясь; передаются ли они лицамъ женскаго пола и мужчинамъ, входящимъ въ составъ чужихъ семей, или не передаются? Мы выше сказали, что на сѣверѣ отдѣльные знаки имѣютъ только домохозяева. Поэтому, сыновья домохозяевъ, пока живутъ нераздѣльно, пользуются знакомъ представителя своей семьи. Но съ раздѣломъ, хотя бы раздѣлъ этотъ состоялъ только въ отдѣленіи луговъ и полей, сыновья принимаютъ особые знаки. Исключеніе составляетъ тотъ изъ нихъ, который остается при отцѣ, будь это старшій или младшій. По смерти отца, онъ пользуется всѣмъ оставшимся имуществомъ и принимаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отцовскій знакъ безъ всякихъ измѣненій. Отдѣлиться знакомъ собственности называется *отпятнаться, распятнаться, отклеимиться*. Обыкновенно отпятыванье состоитъ въ томъ, что отдѣляющійся, удерживая домовый знакъ, дѣлаетъ къ нему нѣкоторыя прибавки или какъ-нибудь иначе измѣняетъ его немного. Положимъ, у крестьянина, который имѣетъ трехъ взрослыхъ сыновей, пятно состоитъ изъ трехъ прямыхъ рубежей. Старшій сынъ, живущій съ отцомъ, остается при отцовскомъ пятнѣ. Средній сынъ отдѣляется и вмѣстѣ съ тѣмъ отпятывается: онъ владетъ отпятокъ на боку отцовскаго клейма. Младшій сынъ, отдѣляясь и отпятываясь, владетъ два отпятныша при клеймѣ отца (№ 34). Можетъ быть и такъ: въ семьѣ до раздѣла было одно пятно—три прямыхъ рубежа. Отдѣлившійся братъ прибавляетъ къ отцовскому пятну продольную черточку (№ 86). Если изъ того же дома отойдетъ еще кто-нибудь, то онъ распятывается и съ домомъ, и съ отошедшимъ прежде него изъ дому, напримѣръ, прибавляя еще черточку, что составитъ острый уголъ (87). Во всякомъ случаѣ, въ основѣ знака лежитъ домовое пятно, такъ что по пятну можно узнать, отъ какого семейства отошелъ крестьянинъ. На нашемъ изображеніи сходныя клейма подъ №№ 20 и 21 принадлежатъ братьямъ, подъ №№ 18

часть CLXXV, отд. 2.

и 19—дядѣ и племяннику; у крестьянъ, знаки которыхъ изображены подъ №№ 34 и 35, былъ общій пращѣдъ.

Зятя-пріемыши держатся тестева клейма. Лица, принятія въ домъ вдовами или усыновленныя, берутъ знаки первыхъ мужей вдовъ или усыновителей. Для большей ясности приведемъ примѣръ. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ въ с. Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда, былъ крестьянинъ Чудиновъ, который имѣлъ знакомъ собственности крестъ въ видѣ римской цифры X. Этотъ крестьянинъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ остался жить въ домѣ отца, а остальные обзавелись отдѣльными дворами. Младшій, оставшійся при отцѣ, принялъ его знакъ. Одинъ изъ отдѣлившихся сыновей передѣлалъ для себя отцевскій знакъ такимъ образомъ, что прибавилъ къ кресту съ одной стороны рубежъ (№ 3), другой прибавилъ ко кресту такой же рубецъ, но идущій наискось (№ 4), а третій прибавилъ ко кресту отпятнышъ съ правой стороны (№ 2). У младшаго брата осталось потомство, которое живетъ въ родовомъ домѣ и сохраняетъ домовое клеймо. Три же отдѣлившіеся брата умерли бездѣтными и вдовы ихъ приняли мужей изъ другихъ деревень. Эти зятя-пріемыши не принесли съ собою особыхъ знаковъ, а усвоили себѣ клейма первыхъ мужей своихъ женъ. Дѣти этихъ пріемышей, еще не раздѣлившіеся, также пользуются клеймами своихъ отцовъ. Такимъ образомъ, всѣ четыре домохозяина, составлявшіе одно чудиновское *печище*¹⁾, имѣли одинъ и тотъ же основной знакъ, то-есть, крестъ, оставшійся неизмѣненнымъ у младшаго сына Чудинова. Вотъ еще примѣръ. Крестьянинъ Николай Кучковъ женился въ домѣ крестьянина Батракова и сдѣлался зятемъ-пріемышемъ или, какъ говоритъ народъ, *ко клейму пришолъ*, то-есть, принялъ клеймо тестя (№ 17). Членъ же семьи Батраковъ, выдѣлившійся отъ зятя-пріемыша, принялъ измѣненное клеймо съ отпятками (№ 16). Что касается женщинъ, то онѣ пользуются клеймами своихъ отцевъ или мужей. Первое бываетъ въ такомъ случаѣ, если незамужняя дочь останется единственною наследницею въ домѣ и во всемъ имуществѣ отца, а послѣднее—если вдова отдѣленнаго сына воспользуется всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ своего умершаго мужа. Въ такихъ случаяхъ и мужъ, принятый въ домъ женщиной, какъ мы видѣли, принимаетъ ея клеймо или, вѣрнѣе сказать, ея домовое клеймо.

Такимъ образомъ, клеймо всегда остается при домѣ у того изъ

¹⁾ Значеніе слова *печище* будетъ объяснено ниже.

наслѣдниковъ, который, по выраженію крестьянъ, *сидитъ на корню*. Кто заводитъ новый домъ и хозяйство, тотъ придумываетъ клеймо видоизмѣненное нѣсколько, но такъ мало, что видно тотчасъ, изъ какой семьи вышелъ новый домохозяинъ. Вступающіе въ чужой домъ по женитбѣ или усыновленію принимаютъ и знакъ того дома. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нашъ обычай сходенъ съ польскимъ обычаемъ принятія родовыхъ гербовъ новыми членами, входящими въ семью и пр. Но между нашими знаками и польскими гербами та разница, что польскій гербъ распространяется на всѣхъ членовъ того же рода, слѣдовательно можетъ быть названъ родовымъ, тогда какъ наши теперешніе пятна переходятъ только отъ домохозяина къ домохозяину, и потому имъ нельзя безусловно придать названія родовыхъ; они суть именно домовые или дворовые знаки.

Но и въ Архангельской губерніи не вездѣ соблюдается описанная правильная система наслѣдственнаго перехода знаковъ собственности. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ клейма принимаютъ форму буквенныхъ знаковъ, разрушается и эта строгая система. Такъ, по моимъ наблюденіямъ, въ приморской деревнѣ Сѣзмѣ, Архангельскаго уѣзда, изъ 34 хозяевъ этой деревни, имѣющихъ клейма, у 24-хъ знаки состоятъ изъ начальныхъ буквъ именъ, или именъ и фамилій, или именъ, отчествъ и фамилій хозяевъ или ихъ умершихъ родителей; только 9 хозяевъ имѣютъ оригинальные знаки для клеймъ. Случается такъ, что отецъ имѣетъ оригинальное пятно, а отдѣлившіеся сыновья принимаютъ буквенныя клейма; или одинъ братъ удерживаетъ старое клеймо, а другой, отдѣляясь (хотя и остается жить въ томъ же домѣ), начинаетъ употреблять клеймо буквенное. Въ этомъ случаѣ клейма теряютъ характеръ дворовыхъ знаковъ и дѣлаются чисто личными знаками хозяевъ. На нашей таблицѣ подъ №№ 103 и 104 изображены клейма дяди и племянника, живущихъ по раздѣлу, но въ одномъ домѣ; первое клеймо обозначаетъ имя (и фамилію) отца племянника. Подъ №№ 105, 106 и 107—клейма двухъ братьевъ и ихъ отца; на клеймахъ братьевъ начальныя буквы ихъ имени и фамиліи, клеймо же отца, перешедшее отъ дѣда, состоитъ изъ произвольно взятой буквы. №№ 108 и 109 изображаютъ клейма двухъ братьевъ; №№ 112 и 113 тоже клейма двухъ братьевъ: на первомъ начальныя буквы имени и фамиліи владѣльца, на второмъ — имени отца владѣльца. №№ 115 и 116 представляютъ клейма двухъ братьевъ, живущихъ въ одномъ домѣ по раздѣлу; у перваго произвольное клеймо, у втораго—изображеніе имени и фамиліи владѣльца его.

На югѣ, какъ мы видѣли, знаки имѣютъ еще болѣе случайный характеръ.

II.

Историческія данныя о пятлахъ или знаменахъ, то-есть, знакахъ собственности, заключающіяся въ нашихъ древнихъ законодательныхъ памятникахъ и юридическихъ актахъ.

Теперь возникаютъ вопросы: составляютъ ли наши крестьянскіе домовые знаки собственности явленіе родное, туземное, или же они заимствованы отъ иныхъ, сосѣднихъ народовъ, и не введены ли они, въ сравнительно недавнее время, мѣрами правительства? Легко задаться предвзятою мыслью, что знаки собственности явились у русскихъ крестьянъ въ сравнительно позднѣйшее время, будучи заимствованы у финскихъ или татарскихъ племенъ, или установлены правительствомъ. Такое предположеніе можетъ имѣть кажущуюся опору въ томъ обстоятельстве, что наши знаки собственности, повидимому, не пользуются извѣстностію у всѣхъ Славянъ; ихъ, напримѣръ, вовсе нѣтъ въ настоящее время у Чеховъ. Естественно думать, что русское населеніе нѣкоторыхъ губерній, при постоянныхъ сношеніяхъ съ инородцами, усвоило отъ послѣднихъ знаки собственности, которые могло находить полезнымъ въ своемъ быту. Эту мысль подтверждаютъ и не-русскія названія этихъ знаковъ, напримѣръ: тавро, тамга, тугра, ясакъ.

Также и предположеніе, что знаки собственности могли быть введены въ недавнее время правительствомъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Извѣстно, что фабричныя и торговыя клейма существуютъ по опредѣленію закона. Такъ, указомъ 1731 года повелѣно было, чтобы парусныхъ полотенъ фабриканты клали на каждомъ кускѣ заводское клеймо, и если явятся безъ *пятна*, такія отбирать такъ, какъ не-явленные товары, безденежно ¹⁾. Указомъ 20-го марта 1744 года распоряженіе это распространено и на другія фабричныя производства, именно, велѣно „на всѣхъ вообще фабричныхъ издѣліяхъ обозначать русскіими литерами, въ какомъ городѣ и на какой фабрикѣ оныя сдѣланы, чтобы оныя отъ чужестранныхъ товаровъ были при всякихъ случаяхъ видны“ ²⁾. Этотъ указъ о клейменіи фабричныхъ издѣлій былъ подтвержденъ 12-го августа 1753 года и 4-го февраля 1815

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп., т. XII, № 8895.

²⁾ Тамъ же, т. XII, 1774 г. марта 20-го, № 8895.

года ¹⁾). Въ современномъ фабричномъ уставѣ, для введенія единообразнаго порядка клейменія издѣлій, существуютъ слѣдующія общія правила: клеймо должно содержать въ себѣ означеніе имени и фамиліи фабриканта, хотя начальными буквами, и мѣста, гдѣ онъ находится; буквы должны быть непременно російскія, хотя не возбраняется вмѣстѣ съ тѣмъ налагать другія буквы. При учрежденіи вновь фабрики, учредитель, желающій клеймить свои издѣлія, долженъ уведомить о томъ департаментъ мануфактуръ и приложить образецъ и описаніе клейма, которое онъ намѣренъ налагать на свои издѣлія. Если фабрикантъ признаетъ нужнымъ сдѣлать перемѣну въ своихъ клеймахъ, то обязанъ о томъ предупредить департаментъ мануфактуръ, съ означеніемъ времени, когда полагаетъ онъ пачать прикладываніе новыхъ клеймъ. Если же департаментъ найдетъ, что предполагаемое клеймо не удобно, не согласно съ положеніемъ или уже есть подобное, отъ котораго оно не довольно различено, то требуетъ перемѣны такого клейма ²⁾). Высочайшими указами прошлаго столѣтія предписано также имѣть свои клейма и всѣмъ промышленникамъ, заготовляющимъ лѣсъ и дѣлающимъ суда для себя или на продажу. Такъ, въ 1745 году, указомъ ея императорскаго величества, посланнымъ изъ государственной военной коллегіи, велѣно было „во всенародное извѣстіе публиковать и выставить публичныя листы, въ которыхъ объявить, чтобъ, по силѣ состоявшихся въ 715 и 721 годахъ указовъ, для заклеяенія названнаго званія лѣсовъ и досокъ и судовъ о казенныхъ изъ коллегіи, канцеляріи и конторъ и съ прочихъ мѣстъ, а подрядчикамъ и прочимъ обывателямъ, кто онымъ промышленяютъ, или про себя готовятъ, быть въ С.-Петербургѣ въ главную полицію, а въ Москвѣ въ полицмейстерскую канцелярію, а въ городахъ въ учрежденныхъ полицейскихъ конторахъ объявлять нарисованныя на бумагѣ всякому свое клеймо вдвойнѣ, изъ которыхъ, осмотра, одно впредь для спору оставлять въ оныхъ мѣстахъ, а другое, подписавъ, отдавать тѣмъ, кто оныя принесетъ, съ которыхъ точно дѣлать клейма вышеозначенныя, и лѣса, доски, тесы и прочее и суда клеймить, чтобъ впредь всякій хозяинъ, по тѣмъ клеймамъ, свой лѣсъ и прочее разбирать и тѣмъ отъ убытковъ себя избавить могъ“.

¹⁾ Тамъ же, т. XIII, 1753 г., № 10130; т. XXXIII, 1815 г. февраля 4-го, № 25778.

²⁾ Св. Зак., т. XI, ч. 2-я. Уставъ фабричн. ст. 74—77.

Иной юристъ, видящій только въ законѣ опредѣлителя всѣхъ бытовыхъ юридическихъ отношеній народа, пожалуй, станетъ указывать на эти и имъ подобные указы, какъ на первоначальный источникъ нашихъ крестьянскихъ знаковъ собственности, равно какъ другой, любящій объяснять все заимствованіями, будетъ искать корня ихъ въ знакахъ восточныхъ народовъ. Но мы, не смотря на существованіе подобныхъ указовъ, которые распространяли употребленіе клеймъ между торговцами и промышленниками, и не отрицая нѣкоторой доли влияния на наши знаки собственности инородческаго начала, выразившагося въ передачѣ приведенныхъ выше названій ихъ, вмѣстѣ съ передачей и нѣкоторыхъ изъ клеймъ, — все-таки думаемъ, что наши домовые знаки собственности имѣютъ древнее и чисто народное происхожденіе. При болѣе тщательномъ историческомъ изслѣдованіи, можно убѣдиться въ самобытномъ возникновеніи этихъ знаковъ.

Въ древнѣйшемъ русскомъ законодательномъ памятникѣ, Русской Правдѣ, мы найдемъ прямое доказательство исконнаго существованія знаковъ собственности у нашихъ предковъ. Знаки эти извѣстны въ Русской Правдѣ подѣ тѣмъ же самымъ именемъ, какое имъ дано будетъ Архангельскими крестьянами, то-есть, подѣ именемъ пятенъ и знаменъ. Пятна въ то время палагались на лошадей: „А за княжь конь, иже той съ *пятномъ*, 3 гривнѣ; а за смѣрдей 2 гривнѣ“, сказано въ Русской Правдѣ. Этими пятнами таврили тогда лошадей, какъ и впоследствии, для распознаванія ихъ вообще, особенно же въ случаѣ пропажи ¹⁾. Поэтому воры, укравъ лошадей, старались налагать на нихъ своя пятна. Такъ, по свидѣтельству Ипатіевской лѣтописи подѣ 1169 годомъ, холопи бояръ Нестора и Петра Борисовичей „кони Мстислава покрапа въ стадѣ и пятна на нихъ своя носклали“ ²⁾. Былъ еще у насъ въ старину обычай, что въ случаѣ, если лошадь, данная кому-либо для сохраненія или для употребленія въ работу, пала, то взявшій ее, въ доказательство того, что онъ не присвоилъ ее, обяванъ былъ вырѣзывать изъ кожи пятно и показывать его хозяину. Это, кажется, относилось болѣе къ обязанности извозчиковъ ³⁾.

Въ Русской же Правдѣ есть другое указаніе на знаки собственности. Мы говоримъ о знаменахъ, которыя палагались на бортины

¹⁾ Русская Правда, изд. *Н. Калачова* М. 1847 г., I, 25.

²⁾ Истор. Государ. Рос. *Карамзина*, т. 2, пр. 422.

³⁾ Акты Юридич., изд. Археогр. Комиссіи 1838 г., № 320, стр. 343.

деревья или борти. Кто первый завладевал бортью, тотъ, конечно, и налагалъ на нее свое знамя, чтобы всякій зналъ, кому принадлежить известная борть, и чтобы удобнѣе было отыскать ее въ лѣсу. Присвоитель чужой борти уничтожалъ знакъ прежняго владѣльца и вырубалъ свой. Это называлось *раззнамивать* борть. Какъ преступленіе общераспространенное, оно предусмотрѣно Русскою Правдой, которая налагаетъ на виновнаго въ раззнамиваніи штрафъ въ 12 гривенъ ¹⁾. Слѣдующее мѣсто Русской Правды, кажется, надо понимать въ смыслѣ уничтоженія воровъ знамени на землѣ или на промысловомъ снарядѣ: „Оже боудууть рассѣчена земли или на земли *знамнѣ*, имъ же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати къ себѣ тати, а любо продажа платити“ ²⁾.

Въ Литовскомъ Статутѣ также упоминаются знамена на бортиныхъ деревьяхъ. Въ 13-мъ артикулѣ раздѣла 10-го говорится о штрафѣ, который долженъ быть уплаченъ помѣщику тѣмъ, кто вырубить или выжжетъ знамена на бортномъ деревѣ, находящемся въ его лѣсу: „а хтобы квалтовне умысли не вытискаючи кого съ егрунту або уходовъ звечныхъ або тежъ злодѣйскимъ обычаемъ дерево бортное очеръ або зжогъ або *знамена* вырубалъ або огнемъ выжогъ а то бы на него переведено, тогда маеть тому пану, чье дерево такъ платитъ, за борть со пчолами не подобранными три рубли грошей“ и т. д. ³⁾. А ранѣе этого, въ 6-мъ артикулѣ, рѣчь идетъ о спорѣ на счетъ борти или о вѣздѣ въ пуцу: „Тежъ уставуемъ хтобы мелъ споръ о борти, або о входы у пуцы, а хотель хто кого отъ бортей и отъ входовъ вытискати а якобы коивекъ чье борти або входы хто завель въ чужые руки, яко того много ся дееть межы мужыковъ, ижъ пчолы для недостатку дани продаеть, або по дочѣце дасть зятю дерсво зо пчелами у чужое село, а тымъ забираемъ свары и неупокой межы суседы деются, а оный на тие пчолы *знамена* свои положивши за тыми знамени новыми входы въ тую пуцу мети будетъ, и за ся того первшого хтобы первой былъ тыхъ входовъ въ держаньи знихъ вытискалъ а споръ о томъ былъ, тогда маеть судъ *знамень* въ дереве казати заколоти, и чье старшос и врослейшее знамя будетъ, тому бортьи и входы казати маеть. А тие хто будетъ ново знамена свои

¹⁾ Русская Правда, *Калачова* II, 64.

²⁾ Тамъ же, III, 80.

³⁾ Статутъ Великаго Князьства Литовскаго 1588 г., изд. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., стр. 279.

у чужій островъ внесли, не мають ся въ то вступовати, а шкodu дерева коло того маеть заплатити водлугъ, уставы нижей описаное, и вжо отъ того часу хто бы с подданныхъ нашихъ, такъ тежъ подданныхъ князскихъ, папскихъ и землянскихъ, древо бортьное за границу наповъ своихъ отдавъши даровалъ, и якимъ колыскъ обычаемъ у чужие руки заводилъ, таковаго маеть панъ его карати водлугъ важности выступу а тоо дерево за ся тому папу маеть быти при вернено чье первой было" ¹⁾). Изъ этихъ мѣстъ видно, что пчелиныя борти были болышею частью помѣщичьи и что на нихъ помѣщичьи крестьяне-бортники клали свои знамена; эти крестьяне иногда самовольно продавали борти или отдавали ихъ въ приданое за дочерями крестьянамъ другихъ селъ, а новые бортники заклеивали ихъ собственными знаками. Тутъ уже знаки собственности теряють свой первоначальный характеръ, такъ какъ налагаются на предметы, находящіеся не въ полномъ владѣніи, а только въ пользованіи; однимъ словомъ, знаки владѣнія переходятъ въ знаки пользованія. А можетъ быть, здѣсь рѣчь идетъ о лѣсныхъ участкахъ и бортяхъ, принадлежавшихъ самимъ крестьянамъ, отъ которыхъ помѣщики стремились оттягать ихъ недвижимую собственность, какъ это повторялось въ тѣ времена повсемѣстно въ Литвѣ. Въ такомъ случаѣ, бортные знаки остаются при ихъ первоначальномъ значеніи, какъ знаки собственности.

Въ Великороссіи, по замѣчанію, сдѣланному редакціею Юридическихъ Актовъ, изд. Археографическою комиссіею, въ старину знамена, начертанныя на бумагѣ, въ нужныхъ случаяхъ замѣняли рукоприкладство бортниковъ, а будучи нарублены на деревьяхъ съ дуплами, означали ихъ принадлежность людямъ, занимавшимся пчеловодствомъ (бортникамъ) ²⁾. Но это не всегда такъ бывало; по крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ актовъ объ отдачѣ на оброкъ бортей, приведенныхъ въ указанномъ изданіи, ясно не видно, чтобы знамена налагались именно крестьянами-бортниками. Приведемъ здѣсь выписки изъ упомянутаго изданія, а также изъ собранія актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи, представляли тѣмъ возможность самому читателю сравнить наше мнѣніе съ заключеніемъ Археографической комиссіи.

Въ оброчной 1478 г. Геронтія, митрополита всея Руси, сказано, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 376.

²⁾ Акты Юридич., прилѣж. 27 къ № 202.

онъ „пожаловалъ есмь домовныхъ церковныхъ пречистыя Богородицы и своихъ митропольскихъ бортиковъ Семенка Улыбашева и его дѣтей, да Оладка Гаврилкова церковныя пречистыя Богородицы и своими митропольскими землями въ Володимери за рѣкою за Клязмою, Содомовскими двѣма деревнями, да Елинскою пустошью, да Головинскою пустошью, да пожнею Воротищи, да кулижкою Левкинскою за рѣчкою за Юрикомъ, да пустошью Олоерковскою и съ всѣми тѣми, что къ нимъ потягло изъ старины къ тѣмъ деревнямъ и къ пустошямъ, и съ уходы съ бортными, лѣсъ бортной въ зарѣчи за Клязмою; ходитъ Семенко и съ дѣтми *подъли знамя киеу, да Исиковское знамя*, да на себя-жъ ходятъ знамя *вилы съ мяломъ*; и кого къ себѣ Семенко или его дѣти призовутъ людей на тѣ земли и на тѣ борти, и они съ ними потянутъ въ тотъ же мой оброкъ. Также есмь пожаловалъ Оладку Гаврилкова деревню Алексѣйковскою и съ всѣми тѣми, что къ той деревнѣ изъ старины потягло, а ходитъ Оладка на себя *двои косы съ рубежемъ, да три косы на сторону, а одна коса на другую сторону, да знамя двои косы да три косы*“⁴. Далѣе въ грамотѣ говорится, что означенные бортники освобождаются отъ податей и натуральныхъ повинностей, кромѣ оброка медомъ, также отъ суда митрополичьихъ памѣстниковъ и тиуновъ¹).

Въ 1533 году, по слову великаго князя Василя Ивановича, дворецкой князь Иванъ Ивановичъ Кубенской пожаловалъ Ивана Иванова сына Любовникова въ слѣдующемъ: Любовниковъ билъ челомъ на восемь человекъ бортниковъ о томъ, что „живутъ у него въ его помѣстьѣ въ селѣ Курмуру, а лѣсъ бортной ходятъ въ Курмурскомъ ухозяя девять знаменъ съ своими товарища, а оброку великому князю съ тѣхъ знаменъ даютъ пять пудъ меду“. Этими бортикамъ писецъ Волынской подавалъ въ Гуской волости три деревни черныя да починокъ. Между тѣми они не идутъ изъ села Курмура, а живутъ у него, Любовникова, насильно. Поэтому онъ проситъ вывести бортниковъ изъ Курмура, съ тѣми условіемъ, что онъ готовъ наддать оброку съ тѣхъ десяти знаменъ еще пять пудовъ. Просьба его была удовлетворена. Слѣдуетъ перечисленіе знаменъ, которыми пользовались бортники: Васюкъ Сидковъ съ Тимошкою съ Кузьминимъ да съ Ивашкомъ съ Якушовымъ ходятъ два знамени, *знамя на чертъ крестъ съ волками да засечи уши* (слѣдуетъ изображеніе см. № 145),

¹) Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Архоогр. комиссіи. Т. II, стр. 546—549.

да знамя тесь съ чертою да съ двумя рубежи (№ 146), а Труфанникъ Петрушинъ ходитъ одно знамя дуга съ рубежомъ да заичьи уши (№ 147), а Злоба Ивашковъ ходитъ два знамени, знамя тесь съ вилами да съ чертою да съ двумя рубежи (№ 148), да знамя мотовило (№ 149), а Озарко Оксеновъ ходитъ одно знамя на чертъ тесь съ вилами да съ двумя рубежи (№ 150), а товарищи ихъ Богданко Парсеновъ да Иванко Деминъ ходятъ два знамени, знамя вила съ сапогомъ (№ 151), да знамя три рубежи (№ 152), а Ивашко Микитинъ ходитъ одно знамя тесь съ двумя чертами да на чертъ заичьи уши (№ 153) ¹⁾.

Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ на казенныя бортныя угодья, отданныя въ 1632 году на оброкъ Желтоводскому монастырю въ Нижегородскомъ уѣздѣ, говорится: „лѣсъ бортной, Великовской ухожей, Митка Игнатъевъ сынъ Малковъ Нижегородецъ посадцкой чсловѣкъ да Пагулинской бортникъ Третьячко Яковлевъ ходили знамями: знамя косы на чертъ (слѣдуетъ изображеніе, см. № 137 таблицы) съ рубежомъ, да знамя калита съ поясомъ (№ 138), да знамя калита жъ съ рубежомъ (№ 139), да знамя лежащая съ двумя рубежи (№ 140), да знамя четыре рубежи (№ 141), да знамя локатки (№ 142), да знамя лежащая съ тремя рубежи (№ 143); и тѣ бортники померли, а оброку платили 3 пуда меда, да три кунницы, да пошлины; а послѣ ихъ ходилъ тѣ знамяна, со 102 году, Курмышскаго уѣзда Лысковскія волости бортникъ Баженко Голиковъ“. Далѣе пишется, что тотъ бортной Великовской ухожей отданъ по жалованной грамотѣ царя Михаила Феодоровича 137 года на оброкъ игумену съ братією „въ монастырю великаго чудотворца Макарія, съ землею, и съ чернымъ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всякими угодья, по тѣхъ мѣсть, покажѣсть владѣль Лысковскія волости крестьянинъ Баженка Голиковъ“ и т. д. ²⁾. Въ порядной 1663 г., данной бортниками Фефиломъ Савельевымъ да Кузьмою Андреевымъ, помѣщичьями крестьянами, тому же Желтоводскому монастырю, пишется: „въ нынѣшнемъ въ 171 г. іюня въ день пустили они игуменъ Пахомей да келарь старецъ Іосифъ съ братією насъ бортниковъ, Фефила да Кузума, въ свой жалованной бортной Отрешевской ухожей, по рѣкѣ по Керженцѣ, по обѣ стороны, въ Титовское посилье Васильева сына Козмона, въ знамя посадка съ двумя рубежи. А платить намъ бортникамъ съ того

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 558.

²⁾ Акты Юридич. № 166, стр. 185.

знамени съ полу пуда медвяной оброкъ и пошлинные деньги и за куницы пудъ меду.... и будучи намъ въ томъ Отрепьевскомъ ухожеѣ въ своемъ знамени бортей съ медомъ не пустошить и поводѣль дѣлать, а въ чужіи знамена не ходить.... А мы бортники пустили въ тотъ бортной Отрепьевской ухожей, въ свое знами посадку, подпущенниковъ Нижегородскаго же уѣзда вотчины боярина Петра Васильевича Шереметьева села Лопатищъ бортниковъ же Семена Павлона да Луку Маркова да Кузьму Михайлова, а ходить намъ, мнѣ Оеофилу да Кузьмѣ, съ нимъ Семеномъ да съ Лукою, да съ Кузьмою въ томъ своемъ бортномъ знамени за одно; въ томъ на себя сію запись дали“¹⁾. Въ слѣдующемъ году тотъ же монастырь пустилъ бортника, помѣщичьяго крестьянина Копдратіи Посова „въ государево жалованье, въ свой бортной Отрепьевской верховой ухожей за Волгу рѣку, въ старое мое (говорится отъ лица крестьянина Посова) купленное знамя *вилы* (слѣдуетъ изображеніе № 144) *съ двумя рубежи*, и въ поводѣльное, а оброкъ платить мнѣ въ монастырскую казну.... и въ томъ знамени мнѣ бортнику лазить и въ поводѣль дѣлать, и по дрованой и по хоромной лѣсъ по уголье зимою на лошадахъ ѣздить про себя, а не на продажу, птицъ и звѣря бить, а въ чужіе знамена въ входить“²⁾. По приведеннымъ выпискамъ никакъ нельзя прийти къ заключенію, что бортники, бравшіе въ оброкъ ухожай, налагали свои знамена; иначе какъ объяснить разницу между числомъ знаменъ и числомъ бортниковъ, взявшихъ на оброкъ извѣстныхъ ухожай,—напримѣръ, по одному акту знаменъ 7, а бортниковъ упоминается только двое, по другому—знамя 1, а бортниковъ 2, да подпущенниковъ 3. Поэтому мы полагаемъ, что бортямъ присвоивались знаки ихъ первыхъ собственниковъ или владѣльцевъ, отъ которыхъ борти переходили потомъ въ казну и къ монастырямъ. Такимъ образомъ, борти и части бортныхъ лѣсовъ получали собственные имена по названіямъ знаменъ первыхъ владѣльцевъ; отъ этого и самыя ухожай или ихъ части стали называться знаменами.

Въ древности, когда какое-либо лицо захватывало борть и обращало ее въ свою собственность, приобрѣтенную имъ среди общиннаго лѣса, оно стремилось расширить предѣлы личнаго владѣнія, чтобъ по возможности больше извлечь для себя пользы изъ захваченнаго. Поэтому, сначала возникло право входа въ чужіе лѣса, а

¹⁾ Тамъ же, № 202, стр. 212.

²⁾ Тамъ же, № 202, стр. 213.

потомъ и право собственности на нихъ. Мы уже знаемъ, что даже бортники не только добывали медъ изъ бортей, но и пользовались также правомъ на рубку дровъ и строеваго лѣса и ловлею звѣрей въ тѣхъ лѣсныхъ участкахъ, гдѣ находились борти; поэтому неудивительно, что слово *знамя*, какъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя выписки, перешло отъ значенія знака, палагавшагося на деревья, къ значенію цѣлаго лѣснаго угодья или ухоя, либо части его, принадлежавшихъ тому или другому лицу. Еще болѣе способствовало къ переходу слова *знамя* отъ его первоначальнаго значенія къ значенію лѣснаго участка и то обстоятельство, что *знамена*, какъ увидимъ ниже, вырѣзывались на границѣ лѣсныхъ участковъ. Самое раннее указаніе на употребленіе слова *знамя* въ смыслѣ такого лѣснаго участка съ бортными деревьями находимъ въ лѣтописи Нестора подъ 947 годомъ. Сказавъ о достопамятныхъ дѣйствіяхъ Ольги, лѣтописецъ прибавляетъ: „ловища ея суть по всей земли, *знамянья*, и мѣста, и повости“. Карамзину не было извѣстно настоящее значеніе слова *знамя* или *знаменіе*. Онъ неправильно объясняетъ это слово, въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи, словомъ „памятникъ“, т. е., достопамятное мѣсто ¹⁾.

Что слово *знамя*, какъ и слова *рубежь* и *грань*, употреблялись для означенія знаковъ собственности, вырѣзывавшихся на деревьяхъ и другихъ межевыхъ предметахъ, — массу доказательствъ представляеть то изданіе, изъ котораго мы приводили бортныя записи. Такъ въ одномъ актѣ читаемъ.... „а у пути у потока на нии на еловомъ старне грани да *назнамянаны* топорь, а на трехъ еляхъ положены новне грани ²⁾ и *знамяне* топоровне положены, правая сторона великаго князя Кіуйскаго, а лѣвая сторона Кириловскаго“ (Отводная 1482 г. на земли Кирилова монастыря) ³⁾. Или: „а промежь Столбова монастырскія деревни и промежь Илемцева волостныя деревни межа отъ Елмы отъ рѣки отъ Петроковскихъ пожень на вилловатую ель, а на елѣ рубежи, по край пожень Столбовскихъ на ель на большую, на елѣ два рубежа, да на березу на рубцеватую, а на ней четыре рубежи, да на березу да на ель на маравьицо да на маравьицо

¹⁾ Истор. Госуд. Рос., т. I, прим. 377.

²⁾ Что слово *грань* означаетъ именно знакъ на межникѣ, лучше всего видно изъ слѣдующаго мѣста межевой записи размежеваній по Столбовскому договору: «на камени грань: крестъ въ кругу, да короны и годовое число». *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1839 г. Янв., отд. VII, стр. 4.

³⁾ Акты юрид., № 141.

же, а у маравища ель да береза, гдѣ топоры ся сѣкли“¹⁾. На однихъ межахъ на деревьяхъ „тесаны и сѣчены *признаки, кресты и тесы*“, на другихъ „*признака херь на крестъ*“²⁾. Вообще чаще всего межевымъ знакомъ служило изображеніе креста“³⁾.

Обычай налагать знамена на межевые предметы, въ особенности на деревья,—обычай очень древній; о немъ упоминается уже въ Руской Правдѣ“. Тамъ есть выраженіе: „дубъ знаменны или межны“, и „кто его перетнетъ, тотъ обязанъ платити продажи 12 гривенъ“⁴⁾.

Въ настоящее время, какъ мы уже говорили, слова знамя и пятно тождественны по своему значенію и употребляются крестьянами безразлично. Но въ старину, если можно выводить заключенія изъ указанныхъ фактовъ, этимъ словамъ придавался различный смыслъ, впрочемъ, не по существу знаковъ, а по способу ихъ изображенія; именно: прежде словомъ знамя или знаменіе обозначались знаки собственности, вырѣзанные и вырубленные на деревѣ и проч., тогда какъ пятномъ преимущественно назывались тѣ же знаки, начертанные на бумагѣ и т. п. или выжженные на животныхъ. Само собою разумѣется, что то и другое слово—коренныя славянскія; оба они какъ въ народной рѣчи, такъ и въ старинныхъ памятникахъ, имѣютъ много различныхъ значеній, но вездѣ видѣтъ одинъ и тотъ же корень. Знамя въ провинціальной великороссійской рѣчи значить родимое пятно⁵⁾. Въ лѣтописяхъ знамя и знаменіе означаетъ пятно или нарывъ, появившіеся въ нѣкоторыхъ новальныхъ болѣзняхъ,—отсюда выраженія лѣтописей: „люди знаменіемъ умираше; знамя смертоносное; знаменныя люди“⁶⁾. Вообще же знамя значить знакъ, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ,—знакъ памяти, предзнаменованіе и т. п.⁷⁾ и происходитъ отъ глагола знать⁸⁾. Слово *знамя* употребляется въ лѣтописяхъ также для обозначенія знака или изображенія на деньгахъ; напримѣръ, князь великій Іоаннъ Васильевичъ „учипи *знамя* на деньгахъ: князь великій на конѣ, а имѣя коніе

1) Тамъ же, № 151.

2) Акты, относящ. до юрид. быта др. Рос., т. II, стр. 143, 453.

3) Тамъ же, 143.

4) Рус. Правда, III, 84.

5) Памятн. книжка Олонецк. губ. 1865 г., стр. 118.

6) Истор. Госуд. Рос. IX, пр. 63 и 369.

7) Тамъ же, X, 723.

8) Запис. Рус. Геогр. Общ. по отдѣл. этногр., т. I, стр. 605.

ль рудѣ, и оттолѣ прозвашеся деньги копейные" ¹⁾. Слово *знаменить* употреблялось въ значеніи чертить, рисовать, *знаменщикъ* — рисо-пальщикъ ²⁾. Пятно значить запачканное мѣсто на чемъ-либо чистомъ, запятнать — запачкать; отсюда какой-либо знакъ, начертанный или выбитый на чемъ-нибудь, на примѣръ клеймо или тавро; называется тѣмъ же словомъ, а глаголъ пятнать значить клеймить или таврить, на примѣръ въ выраженіяхъ: старинномъ „тѣтя *пятнати*“ и теперешнемъ „*пятнати* лошадей“. Пятномъ въ старину называли также печать и пошлину за паложеніе пятна на лошадь ³⁾. Въ провинціальныхъ нарѣчіяхъ пятномъ, вѣролтно, называется знакъ, слѣдъ, оставленный на землѣ лошадью или другимъ животнымъ; отсюда въ Шенкурскомъ уѣздѣ *пятнати* или *допятнати* лошадь значить — идти по направленію конскихъ слѣдовъ, для отысканія сбѣжавшей лошади; „*отпятнати* коня“ — значить найдти коня по его слѣдамъ на землѣ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, употребляется еще слово *распятнати* или *распятнати*, въ выраженіи „*распятнати* избу“ или „*распятнати по рубежамъ избу*“, это значить: обозначить особыми знаками стѣны, бревна и окна избы для того, чтобы, разобравъ избу, снова безъ затрудненій сложить ее, по перенесеніи на другое мѣсто. Ставники оконъ и дверей, для переноса, означаются обыкновенно краснымъ мѣломъ, а стѣны и бревна — рубежами. На передней стѣнѣ вырубается всегда прямой рубежъ |, на задней такой же, только съ отпятачкомъ |₁, на боковой лѣвой — косой рубежъ, идущій слѣва на право \, а на правой боковой — косой, идущій справа на лѣво /. На бревнахъ каждой стѣны единицы обозначаются прямыми черточками, а десятки знакомъ, походившимъ на римскую цифру X; на примѣръ, 25-е бревно обозначится такъ: XXIII; на окнахъ и дверяхъ пишутся такія же цифры.

Если простой народъ и древніе письменные памятники употребляютъ одни и тѣ же слова, чисто русскія, для обозначенія знаковь собственности и другихъ близкихъ понятій, то это обстоятельство, безъ сомнѣнія, можетъ служить важнымъ доводомъ въ пользу самобытнаго происхожденія изслѣдуемыхъ знаковь. Правда, существуютъ

¹⁾ Ист. Гос. Рос. VIII, пр. 67.

²⁾ Домашн. бытъ рус. царствъ, *Заблмина*. М. 1869 г., стр. 658. Прилож. стр. 116, 169, 174.

³⁾ Ист. Гос. Рос., IX, пр. 258.

у насъ для этихъ знаковъ и чужіи слова, восточныхъ народовъ: тамга, тавро, тугра, ясакъ, изъ которыхъ нѣкоторые приняты даже письменнымъ языкомъ, а другіи принадлежатъ къ обыденнымъ словамъ русскаго населенія южныхъ областей (тавро, таврить); но они при существованіи первыхъ, употребленіе которыхъ восходитъ ко временамъ глубокой древности, могутъ свидѣтельствовать только о болѣе позднемъ вліяніи восточныхъ племенъ на Русскій народъ и его языкъ. Здѣсь мы можемъ сослаться на мнѣніе Карамзина, по крайней мѣрѣ относительно принятія русскими слова тамга. Основываясь на древнихъ памятникахъ, нашъ исторіографъ пришелъ къ заключенію, что слово тамга стало извѣстно Русскимъ только со времени монгольскаго ига ¹⁾.

¹⁾ Ист. Гос. Рос., т. II, пр. 108.

П. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯБРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

- Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи
(Окончаніе) А. И. АРТЕМЬЕВА.
- Индійскія сказки И. П. МИНАЕВА.
- Варяго-русская и варяго-англійская дру-
жина въ Константинополѣ XI и XII
вѣковъ В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
- Юридическіе знаки (Продолженіе) П. ЕФИМЕНКО.
- Критическія и библиографическія замѣтки:
Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи.
Экономическо-историческое изслѣдованіе. *Е.
Карновича*. С.-Петербургъ. 1874 А. Г. БРИКЕНЕРА.
- Физиологія гласа и гласови српского языка, *Стојан а
Новаковића*.
- Das Leben der Wurzel dè in den slavischen Sprachen
von D-r. *V. Jagic*.
- Descriptio codicum slovenicorum. *Aemiliani Kaluzniacki*. И. БОДУЭНЪ-ДЕ-КУР-
ТЕНЪ.
- Олонецкая гимназія съ 1808 по 1831 годъ. К. ПЕТРОВА.
- Шестиклассныя прогимназіи.
- О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Пе-
тербургѣ.
- Село Мишенское, родина В. А. Жуковскаго. П. МАРТИНОВА.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты,
б) гимназіи, в) низшія училища.
- Открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ.
- Письмо изъ Парижа Л. Л — РА.
- А. И. Артемьевъ. (Некрологъ.) Л. Н. МАЙКОВА.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ ¹⁾.

III.

Юридическими знаками другихъ народовъ можно пользоваться для объясненія аналогическихъ явленій нашего быта.—Пятна и знамена, какъ корень печатей, гербовъ, межевыхъ знаковъ, заемныхъ, куучихъ и счетныхъ бирокъ, торговыхъ клеймъ, тавръ, денежныхъ и письменныхъ знаковъ.

Доказавъ, на основаніи древнихъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ и юридическихъ актовъ, самобытное происхожденіе нашихъ знаковъ собственности, мы должны убѣдиться и въ томъ, что знаки собственности для однихъ и тѣхъ же цѣлей употреблялись различными народами, часто ничего не имѣвшими между собою общаго, кромѣ одинаково низкаго состоянія культуры. Приведемъ нѣсколько примѣровъ одинаковаго употребленія этихъ знаковъ у племенъ различныхъ странъ, мы будемъ уже имѣть прямое основаніе, при дальнѣйшемъ изложеніи, прибѣгать для своихъ заключеній къ помощи аналогій. Мы видѣли, что въ Архангельской губерніи крестьяне употребляютъ знаки собственности вмѣсто подписей. То же обыкновеніе существуетъ у Лопарей, Корель, Самоѣдовъ, Зырянъ и у всѣхъ другихъ финско-татарскихъ племенъ. Объ этихъ знакахъ упоминается и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича: „а у князей и у мурзъ и у Татаръ, которые татарской грамотѣ умѣютъ, обыски имати за руками же; а которые грамотѣ не умѣютъ и у тѣхъ и у ясачныхъ людей имати обыски за ихъ знамяны“ (гл. X, ст. 161).

Въ Архангельской губерніи знаками собственности отмѣчается различная посуда; у стакановъ клейма кладутъ на ихъ днѣ. То же самое можно встрѣтить на Кавказѣ. Такъ племя Джигетовъ кладетъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, октябрь 1874 года.

свой родовой знакъ на кувшины ¹⁾. Даже на днахъ древнихъ жертвенныхъ кувшиновъ и горшковъ, находимыхъ въ могилахъ, приписываемыхъ Славянамъ, встрѣчаются такіе же знаки ²⁾.

Карпатскіе Гуцулы означаютъ свое оружіе, топорики, особыми значками. У Черногорцевъ также имѣются знаки на оружіи ³⁾.

Въ Малороссіи, въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, бортные знаки на деревьяхъ и теперь существуютъ ⁴⁾.

Пермяки, живущіе въ Пермской губерніи, тоже накладываютъ знаки на борти и на ульи ⁵⁾. Въ старину же накладывали, вѣроятно, и теперь накладываютъ, знаки на борти Татары, Мордва и Черемисы ⁶⁾. Въ одномъ интересномъ актѣ 1686 года о продажѣ четырьмя темниковскими Татарами мурзѣ Асаю служилой своей отцовской и дѣдовской вотчины сказано, что продали они эту вотчину „лѣсы и съ поляны, съ озера и съ истоки, и съ падушими рѣчками и со всякимъ вотчиннымъ угодьемъ, и со всякою птицею, и со всякимъ звѣремъ, и знамя шесть рубежей (№ 314), и до коихъ мѣстъ мы продавцы въ той своей вотчинѣ ходили и отъ коихъ мѣстъ воротились, а ему кунцу до тѣхъ же мѣстъ ходить и отъ тѣхъ же мѣстъ воротитица, пчелы драть и звѣрь всякой бить, и вповь деревья дѣлать и затворять и своими знаменами мѣтити“ ⁷⁾.

У тѣхъ славянскихъ народовъ, которые утратили знаки собственности, напримѣръ у Сербовъ, бортные знаки замѣняются начертаніями крестовъ, точно такъ, какъ и у насъ крестьяне нѣкоторыхъ губерній прикладываютъ на росписахъ, вмѣсто заручныхъ знаковъ или подписей, три крестика ⁸⁾. Въ Сербіи, если кто найдетъ въ лѣсу пчель, то вырѣжетъ топоромъ крестъ на корнѣ дерева, въ которомъ находятся пчелы, и другое лицо не смѣетъ присвоить себѣ этого дерева, такъ какъ оно уже имѣетъ владѣльца. Чтобы выразить это первоначальное завладѣніе, употребляется глаголъ *закрестити* ⁹⁾.

¹⁾ Сообщилъ В. С. Познанскій. Самый знакъ Джиметовъ см. подъ № 31.

²⁾ Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г., т. I, вып. 2, стр. 242.

³⁾ Сообщилъ Н. Н. Бѣлозерскій.

⁴⁾ Тожѣ.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., кн. XII, стр. 338.

⁶⁾ Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433; т. I, стр. 622—625. Акты Юридич. № 202, стр. 213. Тутъ же находятся изображенія знаменъ Мордвы и Черемисъ.

⁷⁾ Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433, 149.

⁸⁾ Pravni običaji u Slovena. Napisaо V. Bogičič. U Zagrebu, 1867, стр. 168.

Въ Псковской губерніи, въ мѣстностяхъ населенныхъ полувѣрцами, то-есть, Чухонцами, около дорогъ часто попадаются чисто вырѣзанные на земли, вершка въ полтора глубиною, знаки. Эти знаки или гербы полувѣрцы кладутъ на своихъ участкахъ, чтобы знать, кому именно чинить дорогу ¹⁾. Знаки на нивахъ выдѣлываются сохой не только у крестьянъ Воронежской губерніи, но и у Зырянъ Вологодской ²⁾ и у Татаръ Уфимской губерній ³⁾.

На межевыхъ предметахъ клялись особые знаки, какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянъ и у западныхъ народовъ. У древнихъ Чеховъ такіе знаки вырѣзывались или вырубались на деревьяхъ и скалахъ и состояли изъ стрѣлъ, крестовъ, кружковъ и т. п.; ихъ называли *liha*. Иречекъ говоритъ, что слово *liha* сходно и по звуку, и по значенію съ германскимъ *laha*, то-есть, *arbogum incisio* (нынѣ *lache* — зарубка на деревѣ), откуда *gelahiet* — округъ, уѣздъ, ограниченный межами ⁴⁾. Германцы именно на межахъ своихъ, преимущественно на деревьяхъ, вырубали особые знаки ⁵⁾. Въ Англии также на межевыхъ деревьяхъ дѣлались зарубы ⁶⁾. Пѣкоторые изъ сербскихъ племенъ на пограничныхъ камняхъ и скалахъ вырубали крестъ (что бываетъ чаще) или какой-либо другой знакъ ⁷⁾. Въ Вартенскомъ статутѣ упоминаются „знаменитые знаки“, которые состояли изъ крестообразныхъ надрѣзовъ на деревьяхъ ⁸⁾.

Мѣтки на ушахъ животныхъ вырѣзываются не только у насъ, но и у Сербовъ, Киргизъ и у другихъ народовъ. Каждый родъ Киргизъ имѣетъ свои примѣты, *існѣ*, которыя состоятъ собственно въ различныхъ вырѣзкахъ на ушахъ домашнихъ животныхъ, лошадей и овецъ. Такъ на примѣръ, у Султанскаго рода примѣта на лошадахъ, *уокъ-телекъ*, то-есть, обрѣзанная, распоротая, именно на лѣвомъ ухѣ сдѣланная вырѣзка задней части его, а на правомъ распорка; у овецъ же правое ухо разрѣзано такимъ же образомъ, а вырѣзка

¹⁾ Пугев. письма изъ Новгородской и Псковской губ. П. Якушкина. С.-Пб. 1860 г., стр. 175.

²⁾ Записано мною въ городѣ Вологдѣ.

³⁾ Сообщилъ П. Ф. Студенцомъ.

⁴⁾ *Slovanske pravo v. Čechach a na Moravě*. Н. Jir. ček. Praha, 1863—1864 гг. Т. I, стр. 76; т. II, стр. II, стр. 230—275.

⁵⁾ *Deutsche Rechtsalterthümer*, von Grimm. Göt., 1854 г., стр. 497.

⁶⁾ Англо-саксонск. община, Н. Сокольскаго. Харьк., 1872 г., стр. 141.

⁷⁾ *Pravni običaji u Slovena V. Bogičič*, стр. 176.

⁸⁾ *Historja pravodavstv slovianickich, przez Maciejowskiego*. W. 1865 г., т. V, стр. 304.

сдѣлана на передней части лѣваго уха. У лошадей Адаевскаго рода только лѣвое ухо распорото (телекъ) и т. п. ¹⁾. Въ Сербіи назначаютъ даже особый день для торжественнаго обрѣзыванія ушей у ягнлятъ. Тамъ значать ягнять въ Спасовъ день. Соберутся хозяева, и пастухъ овецъ, перекрестившись три раза, говорятъ: „Господи Иисусе Христе, милостиви буди ко мнѣ и моему стаду и буди намъ въ помощь днемъ и ночью“. Послѣ этого отрѣзываетъ у всякаго ягненка кусокъ уха, чтобы различать ихъ отъ чужихъ ягнлятъ, и кладетъ отрѣзанные куски въ мѣдную посудину съ водою. Сосчитавъ куски, пастухъ узнаетъ настоящее число своихъ ягнлятъ. Послѣ этого онъ относитъ отрѣзки ушей къ муравейнику и, бросая ихъ на муравейникъ, приговариваетъ: сколько муравейникъ имѣетъ муравьевъ, столько бы у меня было овецъ ²⁾. По древнему чешскому праву, въ случаѣ, если хозяинъ пропавшей лошади или другаго домашняго животнаго признавалъ его у сторонняго лица и обращался въ судъ съ жалобой, то судъ назначалъ члена для осмотра животнаго; тотъ, осмотря животное, долженъ былъ отрѣзать кусокъ уха и спрятать; затѣмъ животное доставлялось въ судъ ³⁾. Ухо, конечно, отрѣзывалось какъ доказательство принадлежности животнаго истцу, ибо на немъ вырѣзывалась мѣта.

Приведенныхъ примѣровъ одинаковаго употребленія клеймъ у различныхъ народовъ будетъ достаточно для того, чтобы имѣть право, для указанія дальнѣйшей судьбы собственно русско-славянскихъ знаковъ, сослаться не только на отечественныя историческія свидѣтельства, но и пользоваться тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ данныхъ, аналогическими явленіями у другихъ народовъ.

Мы уже сказали, что клейма служатъ ипогда у насъ и служили прежде вмѣсто рукоприкладства къ бумагамъ. Но еще раньше вырѣзывали ихъ вмѣсто подписей на деревянныхъ дощечкахъ, служившихъ бирками и т. п. Здѣсь зародились печатей. Въ этомъ своемъ первобытномъ видѣ печати можно встрѣтить даже у такого неразвитаго племени, какъ самоѣдское. До сихъ поръ каждый Самоѣдъ

¹⁾ Мой рукописный сборникъ юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды составленъ въ гор. Холмогорахъ со словъ бывшаго султана-правителя Магометъ-Галли.

²⁾ Гласникъ српског ученог друштва кн. XXX, 1871 г. Обичаји српског народа у Босни. Петрановичъ, стр. 356.

³⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1841 г. іюнь. Древн. прав. чеховъ, *Ивакшица*, стр. 147.

имѣть при себѣ вырѣзанное на кускѣ дерева клеймо, по которому можно узнать, напримѣръ, личность погибшаго въ тундрѣ неизвѣстнаго человѣка изъ этого племени ¹⁾). Въ Средней Азіи всѣ мужчины носятъ въ футлярѣ, прикрѣпленномъ ремнемъ къ поясу, въ числѣ другихъ необходимыхъ вещей, и тамги (родовой знакъ и печать), потому что тамъ вмѣсто подписей прикладываются печати, на которыхъ вырѣзываются имена владѣльцевъ ихъ ²⁾).

Отдѣльно вырѣзанное клеймо, какъ мы сказали, служило и у насъ печатью или гербомъ извѣстнаго лица; это доказываетъ слово „пятно“, которое въ старину употреблялось такъ же, какъ названіе печати. Что печати извѣстны были Русскимъ съ раннихъ поръ, объ этомъ свидѣлствуютъ слова договора Игоря съ Греками: „Посли ношаху печати златы, а гостѣе серебряны,“— а это было еще до 944 г. Древнія печати, какъ извѣстно, состояли изъ двухъ серебряныхъ, мѣдныхъ или, наконецъ, свинцовыхъ пластинокъ, сплоченныхъ вмѣстѣ и скрѣпленныхъ свурокъ, которымъ печати привѣшивались къ грамотамъ. Свинцовыя печати были очень похожи на пломбы, какія привѣшиваются къ товарамъ ³⁾). Всѣ подобнаго рода печати, свидѣнія о которыхъ дошли до нашего времени, употреблялись не простымъ народомъ, для котораго онѣ, вѣроятно, были недоступны по своей цѣнности, а только важными частными лицами и въ особенности лицами, облеченными властью, лицами, которыя легко оставляютъ одни обыкновенія, чтобъ принять другія. Поэтому неудивительно, что печати знатныхъ лицъ утратили свой первоначальный характеръ, а именно, на нихъ стали изображаться не знаки собственности, а чисто условные знаки ⁴⁾). Такъ на всѣхъ почти новгородскихъ печатяхъ XIV и XV стол., которыя описаны въ Актахъ юридическихъ, изд. археографической комисіи, находятся разнообразныя изображенія крестовъ, и только на двухъ изъ нихъ изображены птицы. Зато на нихъ существуютъ надписи, указывающія на личность владѣльцевъ. Здѣсь мы опять видимъ повтореніе явленія, ука-

¹⁾ Арханг. губ. вѣд. 1870 г., № 22. Опис. Архангельска *фонс-Пошманн*.

²⁾ Средняя Азія, *Костенко*. Спб. 1871 г., стр. 59.

³⁾ Промышлен. древн. Руси, *Аристова*. Спб. 1866 стр. 119—125, 159, 213, 236.

⁴⁾ Въ старину печатями служили также перстни съ большимъ глазкомъ, на которомъ дѣлались различныя вырѣзки. Такіе перстни назывались жуковинами, а въ Архангельской губерніи, гдѣ ихъ носили старики до недавняго времени, жуковинами.

запнаго выше, а именно, замѣну знаковъ собственности изображеніемъ креста ¹⁾). Разумѣется, это нужно приписать вліянію христіанства.

Монгольское иго также оказало свое вліяніе на наши гербы, какъ видно уже изъ передачи Монголами Русскимъ словъ *тама* и *ясакъ*, которыя означаютъ и знакъ собственности, и печать, и гербъ ²⁾). Но никакъ нельзя предположить, что гербы появились у насъ подъ вліяніемъ Монголовъ; монгольское иго скорѣе способствовало уtratѣ первоначальнаго значенія гербовъ, какъ постоянныхъ знаковъ, и замѣнѣ ихъ чисто условными знаками. Хотя въ монгольской періодъ нашей исторіи такъ-называемые ясаки и тамги имѣли значительное распространеніе между высшими сословіями и даже употреблялись для отличія одного города отъ другаго, одного полка отъ другаго, но они были уже болѣе частью непостоянны и произвольны: каждый мѣнялъ ихъ, какъ и когда хотѣлъ; постоянны были только гербы нѣкоторыхъ городовъ: Москвы, Новгородъ, Пскова и др. Удѣльные князья, не исключая даже и великихъ, имѣли свои собственные ясаки, мѣнявшіеся по ихъ произволу ³⁾).

Какъ бы то ни было, гербы нашего высшаго сословія рано утратили свой устойчивый характеръ. Въ этомъ отношеніи они очень отличаются отъ дворянскихъ гербовъ Польши. Родовые гербы польскихъ дворянъ, какъ извѣстно, постоянны и неизмѣнны; ихъ существуетъ опредѣленное количество и къ нимъ приписано все родовитое дворянство. Тамъ иногда одинъ гербъ приходится на сотню семей, совершенно несходныхъ, разноименныхъ, но происшедшихъ отъ одного корня, или впослѣдствіи причисленныхъ къ нему; тамъ всѣ благородныя семейства, которыя вели одинъ и тотъ же гербъ, юридически относились къ одному роду, не смотря даже на недоказанность ихъ родства ⁴⁾).

Безъ сомнѣнія, весьма естественно искать корня польскихъ гербовъ въ болѣе древнихъ знакахъ Польскаго или Литовскаго народа, хотя это и покажется весьма несприятнымъ для многихъ владѣльцевъ подобныхъ гербовъ. Покойный польскій археологъ графъ К. П. Тышкевичъ, въ статьѣ своей „Свищовые оттиски, найденныя въ р. Бугѣ,

¹⁾ Акты юрид., стр. 110—115 и др.

²⁾ Промыш. др. Руси, стр. 226; Ист. Карамз. IV, 334.

³⁾ Энцикл. словарь Б. Крайя, т. 10, стр. 73.

⁴⁾ О наслед. въ древн. рус. правѣ, *Никольскаго*. М. 1859. Прилож. 2-е о родовомъ союзѣ у Поляковъ, стр. 29 - 30.

у Дрогичина, въ странѣ прежнихъ Ятвяговъ¹⁾, между прочимъ, высказался: „Допустивъ въ этихъ отчужденныхъ на свинцѣ знакахъ начало родовыхъ гербовъ, — признаковъ вполне созрѣвшаго, образованнаго и сильнаго общества, которое, не довольствуясь въ своемъ существованіи, обезпечиваетъ еще, иѣкимъ образомъ, своему имени будущность, — пришлось бы упрекнуть въ неправдѣ исторію, представляющую намъ Ятвяговъ на столь низкой степени образованности. Еслибы мы признали за Ятвягами начало гербовъ и были бы въ состояніи доказать это, то какой же переворотъ испытала бы въ своихъ началахъ литовская и польская геральдика, ибо на этомъ десяткѣ съ лишнимъ ятвяжскихъ печатей я вижу настоящій Наленчъ, вижу гербъ Огинскій и что-то весьма похожее на Пилаву“. Тому, кто приступаетъ къ изученію славянскихъ знаковъ, придерживаясь историко-сравнительнаго метода, кажется до крайности страннымъ, что человѣкъ, посвятившій всю жизнь археологическимъ и историческимъ изысканіямъ, не хотѣлъ признать зачатковъ гербовъ въ простыхъ знакахъ собственности, предполагая, что черезъ это онъ черезъ-чуръ возвыситъ степень культурнаго развитія дикаго Литовскаго племени и уронитъ достоинство гербовъ благородныхъ фамилій.

Признавая древнѣйшее происхожденіе знаковъ собственности, мы должны показать, какую роль играли они въ старину при разнаго рода сдѣлкахъ: займѣ, куплѣ и пр. Для разрѣшенія этого вопроса у насъ мало фактовъ, касающихся собственно Русскаго народа, а потому намъ очень часто придется прибѣгать къ помощи аналогіи. Пользоваться ею мы будемъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтимъ хотя малѣйшаго намека на существованіе у насъ иныхъ фактовъ или, по крайней мѣрѣ, на существованіе такихъ условій, которыя могли бы породить у насъ иныя обыкновенія.

Многіе народы, находящіеся въ патріархальномъ состояніи кочевой, промысловой или земледѣльческой жизни, при всей своей грубости, отличаются замѣчательною честностью по отношенію къ своему слову и по отношенію къ чужому имуществу: они вѣрны въ словѣ, честны во всѣхъ сдѣлкахъ, не позволяютъ себѣ пользоваться чужимъ имуществомъ, въ особенности добычею, даже оставленною въ пустынномъ мѣстѣ. Такіе нравы сохранились до сихъ поръ въ значительной чистотѣ у обитателей крайняго сѣвера: Самоѣдовъ, Лопарей и отчасти даже у русскихъ крестьянъ, занимающихся звѣринными

¹⁾ Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г., т. I, вып. 2, стр. 119.

и птичьими промыслами. Даже въ самомъ южномъ уѣздѣ Архангельской губерніи, Шенкурскомъ, гдѣ нравы болѣе испорчены, нежели въ сѣверныхъ уѣздахъ, даже и тамъ то, что добыто посредствомъ промысловаго труда, считается неприкосновеннымъ, тогда какъ похищеніе другихъ вещей не составляетъ рѣдкаго явленія. Тамъ, по словамъ одного мѣстнаго этнографа, „никто изъ крестьянъ не рѣшится вынуть изъ чужаго силка птицу. Крестьянинъ всегда готовъ выкрасть у сосѣда изъ ями рѣпу и тѣмъ лишить его зимняго, дароваго харча, или лѣтомъ вытащить изъ прясель ноши двѣ гороху; но крестьянинъ этотъ не посмѣетъ вынуть изъ чужаго силка птицы. Послѣдній поступокъ онъ считаетъ грѣшнымъ въ высшей степени. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: были примѣры, что огромный тетеревъ или вкусный рябчикъ соблазняли вѣрность и правду мужика; но эти примѣры такъ рѣдки и мужики-воры такъ бываютъ наказаны за свои поступки всеобщимъ посмѣяніемъ, что, вѣроятно, болѣе не захотятъ нарушать издревле принятаго правила: „не мочи ворошить въ чужихъ силахъ птицъ“¹⁾. Разумѣется, въ сѣверныхъ уѣздахъ, въ которыхъ населеніе живетъ исключительно промысловою дѣятельностію и гдѣ живѣе сохранились первоначальныя обыкновения звѣролововъ, указанный обычай имѣетъ болѣе широкое распространеніе. Сознавая всю тяжесть труда, Поморъ свято уважаетъ право собственности; онъ знаетъ по себѣ, съ какими усиліями достается каждый предметъ промысловъ, и потому никогда не посягнетъ на чужое. Это ирекрасное, благородное чувство есть общее достояніе здѣшнихъ промышленниковъ. Чужая вещь, съ какою-нибудь знакомъ (биркою, палкою, весломъ и пр.), подлѣ нея находящимся, есть святыня для Помора; онъ не только не возьметъ ее, но и не прикоснется къ ней²⁾.

У полукочевыхъ инородцевъ сѣвера, Лопарей, выработались, вслѣдствіе ихъ подвижной жизни среди пустынныхъ тундръ, такія честныя отношенія къ чужой собственности, какія трудно встрѣтить у народовъ осѣдлыхъ, стоящихъ далеко выше по своему развитію. Къ чести Лопарей, говоритъ одинъ изслѣдователь ихъ быта, можно сказать, что воровства у нихъ нѣтъ совсѣмъ: никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы можно положить свой багажъ. Лопарь, ничего не опасаясь, кладетъ оленинѣ кожи въ лѣсу, домашнія вещи

¹⁾ *Отч. Зап.* 1848 г., т. LVIII, отд. VIII. — Врачев. забавы и повѣрія крестьянъ Шенк. и Арх. уѣздовъ, Харитоновъ, стр. 20.

²⁾ *Арх. Губ. Вид.* 1862 г., № 38.

оставляетъ подлѣ жилья и, возвращаясь почти чрезъ полгода, находить въ цѣлости все, что было у него. Если другому Лопарю понадобится изъ оставленнаго имущества какая-либо вещь, то онъ спокойно беретъ ее безъ хозяина, оставивъ только свое клеймо ¹⁾. У Лопарей также есть обыкновеніе ставить клеймо надъ олснемъ, убитымъ на охотѣ и оставленномъ на сохраненіе въ тундрѣ до возвращенія за нимъ ²⁾. Самоѣды также спокойно оставляютъ убитое животное, охраняя его только приложеннымъ клеймомъ, вырѣзаннымъ на дощечкѣ ³⁾. У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ олепей одежды и покрывающихъ для чумовъ, есть обычай оставлять значительную часть своего хозяйства, какъ не пужную въ лѣтнее время, въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевьевъ. Для этого они складываютъ свои вещи въ сани, а сани оставляютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ роцъ и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный въ сани (да, вѣроятно, бирка, прибавимъ отъ себя) защищаютъ ихъ неприкосновенность отъ каждаго Самоѣда. „Этотъ обычай, говоритъ Шренкъ, можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣвернаго номада, такъ какъ нѣсколько времени тому назадъ нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ когда-либо разграбленъ Самоѣдами, потому что, по ихъ мнѣнію, если кто это сдѣлаетъ, тотъ долженъ ожидать всякихъ бѣдствій отъ неба на свою голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ тундрѣ: Зыряне, гдѣ только ни находятъ подобный складъ, безъ всякаго страха начисто разграбливаютъ его, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности. И тѣ нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытномъ мѣстѣ или въ такихъ мѣстностяхъ, около которыхъ они останавливаются сами съ своими чумами, чтобы время отъ времени посѣщать ихъ“ ³⁾.

И въ другихъ частяхъ свѣта можно встрѣтить подобныя обыкновенія. Въ Австраліи, въ оставляемой на время деревнѣ, дикари ставятъ три столба, связанные къ верху и покрытые кускомъ коры. Подъ этимъ навѣсомъ туземцы оставляютъ лишнія вещи, не нужныя для нихъ при дальнѣйшемъ странствованіи. Такія мѣста, по обычаю, считаются

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г. № 27. Опис. Арх. губ. *Пошмана*.

²⁾ Тамъ же, 1870 г. № 22.

³⁾ *Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren Samoeden*, Dorn. 1854, ч. I, стр. 316.

священными и неприкосновенными ¹⁾). Впрочемъ, и тамъ они охраняются знаками собственности, которые кладутся Австралийцами на различныя вещи. И такъ, изложенные факты даютъ возможность утверждать, что при самыхъ простыхъ и патриархальныхъ правахъ звѣролововъ и промышленниковъ клеймо, съ одной стороны, является знакомъ, охраняющимъ собственность, съ другой — знакомъ, удостоверяющимъ, что такой-то воспользовался или, лучше сказать, занялъ вещь у хозяина ея, во время его отсутствія. Въ послѣднемъ случаѣ клеймо является зародышемъ заемнаго письма и тѣсно связано съ биркой.

Биркой называется дощечка, на которой изображается или одно клеймо, или числовые знаки съ клеймомъ, или эти послѣдніе безъ клейма. На отдаленномъ сѣверѣ счетныя бирки, называемыя *рубешами*, всегда сопровождаютъ знакомъ собственности, на югѣ же безъ этого знака. Главное назначеніе бирки съ цифрами — служить своего рода роспиской при займахъ.

О биркахъ, какъ долговыхъ актахъ, упоминаютъ и лѣтописи наши, и законодательные памятники, называя ихъ *дсками*. Такъ, о дскахъ говорится въ Новгородской лѣтописи подъ 1208 годомъ: „А что на дѣщкахъ (посадника Дмитрія), то князю оставиша... Даша дѣщкы Дмитровы Святославу, а быше на нихъ безъ числа“ ²⁾. Въ Псковской судной грамотѣ, составленной на основаніи древнихъ великокняжескихъ грамотъ въ 1397 году, также упоминаются заемныя дски ³⁾. Тогда какъ посадникъ Дмитрій давалъ деньги въ заемъ по доскамъ на значительную сумму — (а быше на нихъ безъ числа), слѣдовательно, сумма денегъ, которыя занимались подъ бирки, не была ограничена, — во время составленія Псковской судной грамоты, бирки, по словамъ Энгельмана, потеряли уже большую часть своей прежней силы, какъ акты слишкомъ грубые, слишкомъ мало обезпечивавшіе права и не соотвѣтствовавшіе уже тогдашнимъ, болѣе сложнымъ отношеніямъ лицъ между собою. Это выразилось тѣмъ, что судная грамота даетъ имъ полную доказательную силу только въ тѣхъ спорахъ, когда сумма, занятая и записанная на доскѣ, не превышаетъ одного рубля ⁴⁾. Въ народѣ, какъ мы сказали, до сихъ поръ удержались заемныя бирки; такъ, въ Архан-

¹⁾ Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit von G. Klemm. Leipz. 1843, т. I, стр. 300.

²⁾ Исторія Госуд. Рос., т. III, прил. 128.

³⁾ Псков. Судн. Гр., изд. Энгельмана. Спб. 1855, стр. 16, 36.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 116.

гельской губерніи онѣ имѣютъ полную силу даже на довольно значительную сумму, именно на нѣсколько десятковъ рублей ¹⁾. Тамопіе инородцы, Самоѣды. Лопари, Карелы и Зыряне, также употребляютъ бирки при займахъ и свято уплачиваютъ долгъ, хотя бы онъ былъ давній и простирался на значительную сумму. Такія бирки, какъ и у русскихъ крестьянъ Архангельской губерніи, всегда помѣчаются знакомъ собственности должника. Тоже самое обыкновеніе существуетъ и у инородцевъ другихъ губерній.

Остатки, разказываетъ Эрманъ, имѣютъ деревянные, на которыхъ они обозначаютъ вырѣзками свои счета, и эти деревянные переходятъ по наслѣдству въ семьяхъ. Кромѣ того, сношенія полярныхъ жителей съ Русскими произвели особое шифрованное письмо, которымъ они обозначаютъ свои обязательства. Оно состоитъ изъ шести различныхъ фигуръ, которыя обозначаютъ известное количество шкуръ, цѣнностью отъ 1 до 10 в. и отъ 1 рубля до 1000. Въ продолженіе самаго торговаго эти шифры изображаются на бумагѣ, а затѣмъ вырѣзываются на деревянныхъ палочкахъ ²⁾.

Здѣсь говорится, конечно, о тѣхъ знакахъ, которые приняты нашимъ законодательствомъ для квитанцій, выдаваемыхъ сибирскимъ инородцамъ и мезенскимъ Самоѣдамъ во взносѣ ясака. Въ Уставѣ о податяхъ (Св. Зак. т. V, ст. 907 и 959) сказано, что каждому рядовому старостѣ, отъ котораго внесенъ будетъ ясакъ, выдается отъ земской полиціи квитанція въ печатныхъ бланкахъ. На каждой квитанціи, кромѣ изложенія словами, должно быть показываемо особыми знаками число внесенныхъ рублей и копѣекъ такъ, чтобы сдающіе, сосчитавъ эти знаки могли быть увѣрены въ справедливости показанія. Дабы не можно было сдѣлать здѣсь никакихъ прибавокъ, всѣ таковыя знаки очерчиваютъ кругомъ прямыми линіями. При этой же статьѣ приложена самая форма квитанціи, въ которой тысяча рублей обозначена звѣздочкой, сто рублей — кружкомъ, десять — квадратомъ, одинъ рубль—римскою цифрой X, десять копѣекъ—десятью черточками, перечеркнутыми одною линіей и одна копѣйка—одною черточкой. Въ первый разъ форма такой квитанціи помѣщена въ уставѣ объ управленіи инородцами, изданномъ въ 1822 году іюля 22-го.

Другіе полярные номады (Эскимосы) даютъ письменныя обяза-

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 71.

²⁾ *Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit von Klemm*, т. III, стр. 128.

тельства въ слѣдующей формѣ: когда желаютъ они занять что либо, тогда рисуютъ тотъ предметъ на кускѣ кожи, а также число дней, въ которые желаютъ уплатить, обозначаютъ соответствующимъ числомъ черточекъ. Они вѣрно держатъ свое слово и только удивляются, что умные Евронейцы не такъ легко понимаютъ ихъ рисованье, какъ собственное свое царапанье ¹⁾.

Вотъ что говоритъ Миллеръ, въ своей книгѣ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ“ ²⁾, о Черемисахъ, Чувашахъ и Вотякахъ. „Ежели одинъ другому что обѣщаетъ или съ кѣмъ въ договоръ вступаетъ, то оное обязательство для большаго утвержденія и увѣренія бываетъ при нѣкоторыхъ порукахъ или свидѣтеляхъ. При заимодавствѣ заимодавецъ и должникъ берутъ двѣ палочки, которыя между собою складываются, и на оныхъ палочкахъ вырѣзываютъ столько крестовъ или херовъ (XXX) или зарубокъ (III), сколько будетъ гривенъ или копѣекъ, и каждый вырѣзываетъ на своей палочкѣ, на концѣ подъ крестомъ или подъ зарубками, какой-нибудь вмѣсто рукописанія знакъ; употребительныя же у нихъ знаки суть такіе: (см. изображеніе подъ №№ 304—313) и другіе сими подобныя, какой кому на умъ придетъ для себя выбрать, который они во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется подписка, обыкновенно употребляютъ. Потомъ палочками оными между собою размѣниваются, которыя у нихъ такую же силу имѣютъ, какъ у насъ найкрѣчайшія обязательства. Но сіе поведеніе служитъ у нихъ въ такой только суммѣ денегъ, въ которой не свыше десяти рублей; ежели же будетъ болѣе десяти рублей, то берутъ они въ такихъ долгахъ въ городѣ записи. Вышеписанные знаки въ употребленіи бываютъ и между Татарами, у такихъ людей, которые писать не умѣютъ.“

На тѣхъ рубежахъ, которые употребляютъ Самоѣды и Русскіе, торгующіе съ ними, десятки рублей обозначаются крестиками, пять—минусомъ, четыре первыя единицы рублей — палочками, копѣйки же означаются точками ³⁾. Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ десятки изображаются крестиками же въ видѣ римской цифры X, пять—тоже, какъ римское V, а единицы — палочками, четверти же знакомъ 1. Когда количество считается сотнями, то одинъ изъ знаковъ изображаетъ 100, другой 10, третій 1, а четвертый ¹/₄.

¹⁾ Allgem. Cultur-Geschichte der Mensch. т. II, стр. 339.

²⁾ Стр. 63—64.

³⁾ Сборн. народн. юридич. обыч. Арх. губ. П. Ефименко, Арх. 1869 г., стр. 97.

Крестьяне внутренних губерній употребляютъ бирки не только какъ записныя доски, но и какъ счеты. Вотъ почему знаки для чиселъ имѣютъ такую форму, какую можно дать не только остроконечнымъ по жемъ и съ нѣкоторымъ искусствомъ, но и топоромъ, косяю и всякимъ остріемъ, на дому или въ полѣ, гдѣ бы ни случилось ¹⁾). Какъ во внутренней Россіи, такъ и въ Архангельской губерніи, многіе крестьяне считаютъ для себя обременительнымъ вести счетъ на память десятками, а считаютъ въ умѣ только до десяти; поэтому, досчитывався до десятковъ, замѣчаютъ числа приведенными знаками на различныхъ предметахъ: мѣломъ или углемъ на деревѣ, зарубкой на деревѣ, то-есть, на биркѣ, завязкой узловъ на нитѣхъ или тесемкѣхъ и т. п. Почти то же самое найдено и у дикихъ народовъ. Такъ, по свидѣтельству одного Моравскаго миссіонера, приводимому Тайлоромъ, Ирокезы считаютъ до 10 и дѣлаютъ крестъ; потомъ еще до десяти и такъ далѣе, пока не копчатъ счета; затѣмъ берутъ вмѣстѣ десятки и дѣлаютъ изъ нихъ сотни, тысячи и сотни тысячъ ²⁾). „Позднѣйшіе наблюдатели говорятъ о далекомъ племени Криковъ, что они считаютъ по десяткамъ, при чемъ ставятъ перпендикулярныя палочки вмѣсто единицъ и крестъ вмѣсто десяти“ ³⁾). Мы привели здѣсь эти примѣры, чтобы показать, какъ народы въ первобытныя эпохи своей жизни сходны между собою даже въ мелочныхъ обыкновеніяхъ, сохранили эти обыкновенія и долго спустя послѣ своего выхода изъ первобытнаго состоянія. Это, повторяемъ еще разъ, даетъ намъ полное право ссылаться на аналогическія явленія у другихъ народовъ и объяснять ими не только свою старину, но и явленія новѣйшаго времени.

Если, какъ мы говорили, народы въ невѣжественномъ состояніи затрудняются въ счетѣ какого-нибудь десятка и для облегченія употребляютъ бирку, то, конечно, бирки были у насъ въ ходу и при мѣновой торговлѣ; во время самаго процесса торга на биркѣ отмѣчалось количество обмѣниваемыхъ и продаваемыхъ предметовъ, а впоследствии и количество тогдашнихъ денежныхъ знаковъ, которые должны были обмѣниваться на товары. Въ случаѣ неуплаты денегъ за товаръ, продавцу давалась такая бирка съ приложеніемъ клейма должника; на этой же биркѣ кредиторы, по истеченіи известнаго времени, нарѣзывали рѣзы, то-есть, цифры, обозначавшія условныя

¹⁾ Журн. сельск. хоз. и овцев. 1845 г., № 25. О бирочномъ счетоводствѣ.

²⁾ Домстор. бытъ человека. М. 1888 г., стр. 137.

³⁾ Тамъ же, стр. 138.

проценты. Такимъ образомъ счетная бирка обращалась въ заемное письмо.

Бирки у насъ служили не только долговыми актами, но также употреблялись, какъ акты укрѣпленія имущества. Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Германіи, при передачѣ недвижимой собственности изъ однихъ рукъ въ другія, приобретающему имуществу передается и бирка съ знакомъ этой собственности ¹⁾. Тутъ бирка играетъ уже роль купчей крѣпости, а не долговаго обязательства.

Какъ счетные знаки вообще, бирки имѣютъ многообразное употребленіе. Такъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ овчинники, собирающіе овчины для выдѣлки, *уѣзжутъ жеребьи*, то-есть, бирки, въ полученіи овчинъ ²⁾. То же дѣлаютъ и лица, берущія холстъ для набойки. Бирки употребляются еще сборщиками податей. При сборѣ податей сборщики даютъ каждому крестьянину половину бирки, съ означеніемъ на ней внесеннаго послѣднимъ количества податей. Если же одинъ сборщикъ передаетъ общественныя деньги другому, вновь назначенному, то послѣдній въ приемѣ денегъ *дѣлаетъ нарѣзку* на биркѣ первому ³⁾. Подридчики, напимающіе отъ себя рабочихъ, отмѣчаютъ на биркахъ полученіе платы рабочими ⁴⁾. На биркахъ также отмѣчается количество принимаемаго товара приемщиками и поставщиками и т. п. Впрочемъ, надобно сказать, что бирки для расчетовъ между сборщиками податей и плательщиками введены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высшимъ начальствомъ. Такъ циркуляромъ министра государственныхъ имуществъ, отъ 25-го октября 1840 г., разъяснено было палатамъ, что въ IV части 313 ст. 2 пун. проекта учрежд. объ управленіи государственными имуществами предоставлено сборщикамъ податей означать въ семейныхъ таблицахъ итоговъ сборовъ, кромѣ цифръ, такими знаками, какіе гдѣ употребляются; сверхъ того, дозволено для расчетовъ между сборщикомъ и плательщиками имѣть бирки. А потому министръ государственныхъ имуществъ призналъ весьма полезнымъ и необходимымъ, чтобы безграмотные крестьяне, сверхъ выдаваемыхъ имъ таблицъ, имѣли для расчетовъ съ сборщи-

¹⁾ Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. I, вып. 2, М. 1867, стр. 242 и слѣд.

²⁾ Труды Ком. по преобраз. вол. судовъ, т. I. Тамб. губ., стр. 153.

³⁾ Тамъ же, стр. 145.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 180.

ками бирки, съ показаніемъ на одной сторонѣ оныхъ количества или итога всѣхъ сборовъ съ каждаго домохозяина, значущихся въ семейной таблицѣ, а на другой сторонѣ—поступленія или платежа, сдѣланнаго домохозяиномъ.

Биркамъ, которыя ведутъ биржевые артельщики и другіе пріемщики и поставщики товаровъ, дана закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сила полного доказательства на судѣ (Горг. Уст. ст. 1639). Даже въ Италіи бирки (*tasche o taglie*), вполне соотвѣтствующія ихъ образцамъ (*contrassegno*), заслуживаютъ вѣры между лицами, имѣющими обычай удостовѣрять бирками передачу или полученіе предметовъ розничной торговли, то-есть, служатъ доказательствомъ на судѣ (Гражд. Улож. Итал. кор. час. I, кн. 5-я, § III, ст. 133). Въ Англии бирки вышли изъ употребленія въ прошломъ столѣтіи и составляютъ только достояніе кабинетовъ древностей, какъ предметы, представляющіе археологическую рѣдкость ¹⁾.

Выше мы говорили объ обычаяхъ заочнаго займа и объ оставленіи бирки засмщика при тѣхъ предметахъ, изъ числа которыхъ онъ пользовался извѣстною частію. Въ связи съ обычаемъ займа находится другой, а именно обычай заочной торговли, остатки котораго сохранились, хотя въ измѣненной формѣ, на крайнемъ сѣверѣ даже у русскихъ обитателей.

Г. Михайловъ въ книгѣ „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края“ говоритъ объ Архангельскихъ крестьянахъ: „Никто, кромѣ звѣря, не возьметъ птицы изъ - подъ чужаго слопца, какъ никто не выпнетъ рыбы изъ чужой мережи. Мнѣ случалось видѣть, какъ крестьяне вынимали изъ воды свои сѣтки и, вмѣсто рыбы, находили деньги, завернутыя въ тряпицу. Это—плата за взятую рыбу какого-нибудь прохожаго челоуѣка и плата, всегда соотвѣтствующая ея стоимости. Таковъ обычай, издавна установившійся и свято соблюдаемый“ (стр. 104). Въ глухихъ мѣстностяхъ Пинежскаго уѣзда сохранилось между крестьянами, занимающимися извозомъ, слѣдующее обыкновение: они, имѣя надобность въ сѣнѣ для лошадей, сами берутъ его изъ зародовъ, находящихся на пути, въ далекомъ разстояніи отъ жилья, а деньги въ количествѣ, какое, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ уплатить, вѣшаютъ тутъ же на шестѣ зарода, завязавъ ихъ въ тряпку. Понятно, что такой обычай, требующій большаго уваженія къ чужой собственности какъ со стороны извозчиковъ, такъ и со стороны постороннихъ лицъ,

¹⁾ Начало цивилизаціи, Лябова, Спб. 1871, стр. 183.

не могъ удержаться на большихъ дорогахъ, гдѣ шляется всякій народъ ¹⁾). У Зырянъ, отправляющихся въ лѣса на звѣриный или птичій промыселъ за сотни верстъ отъ жилья, каждый лѣспникъ, смотря по дальности пути и продолжительности охоты, беретъ съ собой нѣсколько пудовъ сухарей, и, чтобъ не обременять себя этимъ грузомъ, зарываетъ его по частямъ въ разныхъ мѣстахъ лѣса и ставитъ свои знаки, то-есть, клейма. На обратномъ пути въ этихъ походныхъ магазинахъ опъ не рѣдко находятъ, вмѣстѣ съ сухарями, еще бѣлокъ и рябчиковъ: это значить, что какой-либо землякъ, истощивъ свой хлѣбный запасъ, взявъ себѣ частицу изъ его провизии и заплатилъ за нее, по совѣсти, настрѣлянною дичью ²⁾). Разумѣется, настоящій случай не можетъ быть названъ сдѣлкой купли - продажи, потому что владѣлецъ вещи вовсе не предназначаетъ ее для продажи; это скорѣе купля-заемъ, то-есть, переходная форма отъ займа къ куплѣ. Но у Зырянъ же сохранился до сихъ поръ обычай настоящихъ заочныхъ торговыхъ сдѣлокъ, когда вещи прямо предназначаются для продажи. Интересное описаніе нынѣшней заочной торговли близъ Уральскихъ горъ сообщаетъ начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ въ своемъ сочиненіи „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пайхой“ (Сиб. 1856 г., т. 2, стр. 66). За устьемъ рѣчки Ширсъ-ю (зырянское названіе), или Линкал (остяцкое), впадающей съ лѣвой стороны въ Илмъ (притокъ Печоры), который течетъ здѣсь по лѣсистой пустынной равнинѣ, Гофманъ и его товарищи разбили на ночь свои палатки подлѣ уединеннаго бревенчатаго сруба, къ которому были прислонены два балагана. „Постройки эти, говоритъ Гофманъ, принадлежали знакомому мнѣ гребцовъ (Зырянъ), который ежегодно выѣзжаетъ сюда на все лѣто отъ береговъ Печоры, для рыбной ловли; изба была на этотъ разъ пуста; дверь ея была изнутри заперта замкомъ, но ключъ торчалъ тутъ же въ стѣпѣ. Внутренность избы была раздѣлена бревенчатою перегородкой на двѣ части, изъ которыхъ одна была обращена въ баню, а другая въ амбаръ, для запасовъ. Эта кладовая была наполнена кадушками съ соленою рыбой, большими кучами вяленыхъ на солнцѣ щукъ и коробами изъ березовой коры съ рыбьимъ жиромъ. Подъ балаганомъ висѣла пара остяцкихъ мѣховъ на шестахъ подъ свѣжею березовою покрывкою и стояло на доскахъ множество новыхъ посуды изъ березовой коры различной величины

¹⁾ Сообщилъ П. А. Ивановъ.

²⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1852 г., кн. I. Зыряне, стр. 57.

вѣстѣ съ другою хозяйственною утварью, принадлежавшею къ издѣліямъ лѣсныхъ жителей. Гребцы мои знали, что все это было приготовлено для продажи, и опредѣляли цѣну каждой вещи. Они просили меня купить пудъ сушеной щуки и нѣсколько фунтовъ рыбаго жиру, для приготовленія обѣда. Деньги за это я могъ положить на видномъ мѣстѣ въ хижинѣ и быть увѣрену, что они будутъ въ рукахъ у хозяина, потому что такой способъ покупки здѣсь очень обыкновененъ. Предполагая встрѣтить владѣльца хижины въ верховьяхъ рѣки, я рѣшился привести въ исполненіе эту странную сдѣлку, которая основывается на взаимной честности и довѣріи“. Мы остановились на этой сдѣлкѣ, чтобы показать, какъ живучи бываютъ старинныя обыкновенія и какъ можно ими пользоваться тому, кто захочетъ по нимъ воссоздавать явленія давнопрошедшихъ временъ. Кому, послѣ прочтенія настоящихъ строкъ, не придетъ на память нѣмая торговля, которую на далекомъ сѣверѣ вели съ туземцами, по Герберштейну, въ Лукоморіи—Грустинцы и Серпеновцы, по Вакуи, въ Уакуа или Уальсу—Болгары, по Абулфедѣ—Болгары же съ народами, жившими по сосѣдству съ Сѣвернымъ океаномъ, по Павлу Іовію—Русскіе съ Лопарями, по Пестору—Югра съ чудесными обитателями Уральскихъ горъ и, по другимъ, Русскіе съ Тугузами. Причины нѣмой торговли происходили, по словамъ указанныхъ писателей, отъ трусости бродячихъ ловцовъ, боявшихся чужеземцевъ, или отъ того, что торговцы не знали туземнаго языка. Самый процессъ нѣмой мѣновой торговли состоялъ въ томъ, что торговцы, пріѣхавъ съ своими товарами въ опредѣленное мѣсто, раскладывали ихъ тамъ и потомъ удалялись, а въ это время и туземцы, узнавъ о прибытіи торговцевъ, съ большою осторожностью и значительными обходами приближались туда же, раскладывали рядомъ свои товары, преимущественно мѣха, которые считали равноцѣнными, и также удалялись, издали наблюдая за купцами. Если торговцы находили мѣну выгодною, то брали съ собою туземные товары; въ противномъ случаѣ удалялись, показывая тѣмъ, что нужна прибавка. Туземцы дѣлали ту или другую надбавку, пока не заключался окончательно торгъ. Съ туземцами, болѣе смѣлыми, торговля велась при помощи условныхъ жестовъ. Не смотря на подозрительность и трусость туземцевъ, торговля велась съ чрезвычайною честностью¹⁾. Что самое интересное для насъ въ

¹⁾ Reise nach dem Nordostens europäischen Russlands, Шренка, т. II, стр. 231. Прярода и челов. на крайн. сѣверѣ, Гартвига, стр. 224. Сѣвер. Уралъ, Гоemann.

подобныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, такъ это обозначеніе торговцами своихъ товаровъ особыми знаками при ихъ раскладываніи. О существованіи такого обычая у Болгаръ свидѣтельствуетъ Абулфеда. Знаки, которыми обозначались въ старину товары, были, конечно, такіе же знаки собственности, вырѣзанные на деревянной дощечкѣ, какъ и тѣ, которые до сихъ поръ кладутся при предметахъ промысла Русскими и инородцами на отдаленномъ сѣверѣ Россіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ эмбріономъ торговыхъ штемпелей; вотъ гдѣ начало обычая накладывать клейма на товары. Можно ли послѣ этого согласиться съ мнѣніемъ гр. Тышкевича, что свинцовые оттиски, найденные имъ въ рѣкѣ Бугѣ, не могли быть товарными клеймами потому только, что въ отдаленную эпоху до-христіанскихъ временъ, въ которыхъ онъ относитъ оттиски, „не существовало таможеннаго порядка, а тѣмъ менѣе клеймленія товаровъ свинцовыми штемпелями“.

Въ отдаленнѣйшую эпоху, когда еще не существовало таможенъ, продавцы и покупщики товаровъ сами накладывали клейма на вещи. Эти клейма сначала вырѣзывались на вещахъ или на дощечкахъ, которыя привѣшивались къ вещамъ, а потомъ выдѣлывались на свинцовыхъ и другихъ металлическихъ пластинкахъ. Эти же клейма служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и печатами, такъ что слово печать употреблялось и для обозначенія торговаго клейма ¹⁾. Разумѣется, сначала не существовало никакой разницы между торговыми клеймами, печатами и знаками собственности; точнѣе сказать, они первоначально различались только по своему употребленію, а не по сущности. Только впоследствии тѣ и другіе совершенно обособились.

Въ древнемъ обычаѣ торговцевъ накладывать свои клейма на предметы торговли таятся начало обычая клеймить правительственными штемпелями всѣ предметы торговли, съ которыхъ собирались заграничныя и внутреннія торговыя пошлины. Отсюда тождество въ названіяхъ знаковъ собственности, торговыхъ клеймъ, таможенныхъ штемпелей и таможенныхъ пошлинъ. Мы уже знаемъ, что у насъ еще во время Русской Правды пятномъ назывались знаки собственности, которые налагались на лошадей. Впоследствии пятномъ стали называть таможенное клеймо или тавро, налагавшееся на лошадей, и пошлину за проданную или промѣненную лошадь, а также пошлину,

т. II, стр. 66. Лѣтоп. Нестора подъ 1096 годомъ. Заволоцкая Чудь, II. Есименко. Арх. 1869 г., стр. 66.

¹⁾ Промысл. древн. Руси, *Аристова*, стр. 213, 236.

бравшюся съ соли. За уклоненіе отъ пятнанья лошадей, при покупке и мѣнѣ, взыскивался штрафъ подѣ названіемъ *пропятнанье* ¹⁾.

Въ старину главными поставщиками лошадей для Русскихъ были Татары и Ногайцы изъ Астрахани и Казани. Они ежегодно доставляли на продажу въ Москву табуны тысячъ отъ 30 до 50. Часть этихъ лошадей, тысячъ 5—8, по словамъ Котошихина, отбиралась мѣстными воеводами про царскій обиходъ, — лошадей записывали и запятнывали, остальныхъ присылали потомъ въ Москву. Въ Москвѣ эти лошади продавались всякаго чину служилымъ людямъ и инымъ чинамъ, при чемъ, съ продажи и съ записки тѣхъ лошадей, сопровождавшихся наложеніемъ пятенъ, собирались отъ покупателей записныя деньги въ Конюшенный Приказъ. Затѣмъ лошади перепродавались изъ Москвы по всей Россіи. Память о такомъ обыкновеніи до сихъ поръ сохранилась въ дѣтской припѣвкѣ въ Пермской губерніи:

Ударимъ въ доску,
Поѣдемте въ Москву;
Ребятъ крестить,
Жеребятъ пятнать ²⁾.

Разумѣется, въ старинной Руси, во время господства привилегій, не всѣ обязывались платить пятно. Нѣкоторые изъ монастырей, въ томъ числѣ и наши сѣверные, освобождались отъ упомянутой пошлины великокняжескими и царскими жалованными грамотами. Въ грамотѣ Василя Иваповича Печеньскому Кольскому монастырю читаемъ: „а случится игумену или братьѣ и монастырскимъ слугомъ и крестьяномъ и дворникомъ, въ которомъ городѣ или волости, купить лошадь или промѣнять, а намѣстники Новгородскіе и Устюжскіе и Двинскіе и волостели и пятинщики пятиннаго съ нихъ не емлютъ“ ³⁾. Въ грамотѣ Ивана Грознаго, данной въ 1548 году Соловецкому монастырю, между прочимъ сказано: „также пятенщики кони монастырскіе и у слугъ и у крестьянъ и у дворниковъ пятнаютъ, а отъ пятна у нихъ не емлютъ ничего“ ⁴⁾. Слуги и крестьяне Сіискаго монастыря также безошлинно покупали и пятнали лошадей ⁵⁾. Нѣкоторымъ монастырямъ, напримѣръ Саво-Сторожевскому,

¹⁾ Тамъ же, стр. 70, 228, 43, 45, 197.

²⁾ Зап. Русск. Геогр. Общ. 1869 г., т. II, стр. 664.

³⁾ Зап. Русск. Отд. Археолог. Общ. 1861 г., т. II, стр. 647.

⁴⁾ Опис. Соловецк. монаст., архив. Дослѣея, т. II, стр. 11.

⁵⁾ Памятн. книж. Арх. губ. 1862 г., стр. 15.

самимъ предоставлено было право собирать пятно или пятинное ¹⁾. Сами князья иногда дарили монастырямъ пятна для пятнанія лошадей. Такъ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, великій князь Дмитрій Донской далъ (до 1393 г.) Троицкому-Сергіеву монастырю пятно ногайское ²⁾.

Послѣдній фактъ служитъ прямымъ доказательствомъ того, что къ намъ, по крайней мѣрѣ въ высшія сословія, переходили пятна и отъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ. Случаевъ знакомится съ восточными клеймами, въ особенности во время монгольскаго ига, было не мало. Наши предки имѣли передъ глазами, во первыхъ, ханскія клейма, которыя налагались на товары при сборѣ торговыхъ пошлинъ на всякаго рода грамоты и бумаги хановъ, вовторыхъ, родовыя клейма различныхъ восточныхъ народовъ, подвластныхъ монгольскимъ ханамъ, въ особенности тѣхъ, которые доставляли въ Москву лошадей, заклеимленныхъ, по восточному обычаю, особыми знаками. Внося къ намъ нѣкоторыя изъ своихъ клеймъ, восточные народы передали и слова для ихъ обозначенія: тамга и ясакъ. Первое слово, какъ мы уже говорили, означало сперва родовой знакъ и печать, потомъ таможенное клеймо и, наконецъ, пошлину или подать. Ясакъ также означалъ сначала родовое клеймо, а послѣ—подать кожами и другими предметами, которые, при приѣмѣ, заклеимливались казеннымъ клеймомъ. Разумѣется, число клеймъ, принятыхъ отъ восточныхъ народовъ, не могло быть значительно, какъ потому, что у народовъ, сохраняющихъ родовой бытъ, какими были всѣ наши восточные сосѣди, родовыхъ клеймъ было очень мало ³⁾, такъ и потому, что ихъ заимствовали собственно высшія сословія и разнаго рода учрежденія, духовныя и гражданскія, и правительственныя лица; народъ же въ нихъ не нуждался, потому что имѣлъ собственные исконныя знаки, которыхъ не мѣнялъ по произволу. Если бы у насъ существовали въ народѣ и въ официальной средѣ одни татарско-монгольскія названія клеймъ, то еще можно было бы утверждать о значительномъ запи-

¹⁾ Промысл. древн. Руск, *Аристова*, стр. 229.

²⁾ Тамъ же, стр. 64 и 197.

³⁾ У Монголовъ, напримѣръ, во время Чингизхана, было собственно 12 родовъ, имѣвшихъ свои особые гербы, или тамги, которыми служили птицы и деревья. Когда одинъ изъ этихъ родовъ, родственныхъ по гербамъ, отходилъ, то гербъ его удерживался, а онъ замѣнялся однимъ изъ 34 родовъ (свободныхъ Божіихъ людей), которые были поселены въ долину Гаруса (*Die Rechtsverh. bei verschied. Völker, von Bastian, 1872, стр. 164*).

ствованіи Русскими восточныхъ клеймъ. Но такъ какъ на-ряду съ подобными названіями сохранились и чисто русскія, то этого нельзя признать.

Мы уже говорили, что таможенные знаки произошли именно отъ знаковъ собственности и потому уже сдѣлались произвольными знаками. У Монголъ таможенными знаками служили родовыя клейма хановъ, а у насъ—личные знаки великихъ и удѣльныхъ князей и другіе, которые прежде тоже были родовыми и, слѣдовательно, постоянными. Родовые или личные знаки, будучи приложены къ товарамъ, съ которыхъ взималась пошлина, становились правительственными, официальными клеймами. Подобно этому и на деньгахъ выставлялись личные знаки князей, или знамена, сдѣлавшіяся правительственными.

Начало денежныхъ знаковъ также кроется въ торговыхъ клеймахъ. Въ странахъ, занимаемыхъ восточно-славянскими и литовскими племенами, также финскими и монгольскими народами, первоначально, какъ извѣстно, денежною единицей служили кожи дикихъ звѣрей, представлявшія важный предметъ внѣшняго сбыта. У насъ первоначально цѣлыя кожи, заклеенныя родовыми или личными княжескими знаками (а клеймить продаваемые вещи, въ особенности мѣха и кожи, и раньше было въ обычаѣ, какъ сказано выше), а потому части ихъ ходили вмѣсто денегъ, передаваясь при каждой покупкѣ. Отсюда происхожденіе названій многихъ денежныхъ знаковъ по именамъ животныхъ и ихъ частямъ: куны, бѣлки, мордки, погатки и проч. ¹⁾ Могло быть и такъ, что кожи извѣстныхъ животныхъ принимались просто какъ воображаемыя мѣрила цѣнностей вещей, безъ передачи ихъ каждый разъ при обмѣнѣ однихъ вещей на другія, подобно тому, какъ до сихъ поръ въ мѣновой торговлѣ Русскихъ съ Самоѣдами единицей торговой мѣры считаются кожи песца или молодого оленя, къ которой приравнивается цѣнность товаровъ при мѣнѣ ²⁾.

Весьма можетъ быть, что у насъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, до признанія монетой кусковъ металла съ изображеніемъ знаковъ, были въ употребленіи и деревянные дощечки съ родовыми

¹⁾ Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. I, пр. 524. Дольше всего удержались мѣховыя деньги, куницы и бѣлки, на отдаленномъ сѣверѣ, на Двинѣ и пр., а въ остальныхъ мѣстахъ Россіи уже со времени нашествія Монголовъ должны были распространиться серебряныя деньги, такъ какъ монгольскіе завоеватели не хотѣли признавать денегъ перваго рода.

²⁾ Сборн. народн. юрид. обыч. Арх. губ., II. Ефименко, стр. 97.

же клеймами, подобно тѣмъ дощечкамъ, которыя оставались при взятіи чужихъ вещей въ долгъ въ отсутствіе хозяина. Можно думать, что заемныя дощечки съ клеймами обратились въ денежные знаки. Въ примѣрѣ народа, употреблявшаго деревянныя деньги, можно привести Монголовъ. Монголы, говоритъ Карамзинъ, въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и кожаные доскутки съ ханскимъ клеймомъ. Но въ Бухаріи и въ Камчаткѣ тѣ же Монголы имѣли собственную серебрянную и мѣдную монету, изъ коихъ первая называлась тангоу, а вторая—пулоу ¹⁾. Въ Олонецкой губерніи и на развалинахъ города Булгара до сихъ поръ находятъ серебрянныя куски съ простыми значками, въ видѣ точекъ, черточекъ, звѣздочекъ и тому подобныхъ начертаній. Подобныя куски, находимыя въ Булгарѣ, Карамзинъ приписываетъ безграмотному народу; онъ признаетъ ихъ за чуждыя деньги ²⁾. Принадлежали ли они Чуди или другому народу—объ этомъ можно еще спорить, но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что изображенія на этихъ древнѣйшихъ монетахъ были ни болѣе, ни менѣе, какъ знаки собственности.

Древнѣйшія русскія монеты имѣютъ на себѣ изображенія животныхъ безъ надписи ³⁾. Изображенія же эти были ничто иное, какъ княжескіе гербы, которые произошли отъ знаковъ собственности. Догадка о первоначальномъ возникновеніи нашихъ монетъ изъ знаковъ собственности можетъ опираться еще на слѣдующіе факты. Подтвержденіемъ этому служатъ, во первыхъ, сходство у насъ и у другихъ народовъ въ названіи нѣкоторыхъ монетъ съ названіями родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности. Такъ, у Монголъ слово танга было названіемъ монеты и родоваго знака. Это же названіе усвоили и Русскіе, измѣнивъ его въ слово деньга и деньги ⁴⁾, у Нѣмцевъ марка—названіе извѣстной монеты и знака собственности. Въ вторыхъ, тождество въ названіяхъ изображеній на деньгахъ съ названіями знаковъ собственности; тѣ и другія назывались знаменами ⁵⁾. По своему внѣшнему виду, монета представляетъ не болѣе, какъ измѣненную бирку, самый древній знакъ, который передавался при торговыхъ и

¹⁾ Ист. Гос. Рос., т. V, стр. 69 и прим. 135.

²⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 125 и Памятн. кн. Олонец. губ. 1867 г., стр. 112.

³⁾ Тамъ-же, т. V, прим. 135.

⁴⁾ Тамъ-же, т. V, стр. 96 и прим. 135.

⁵⁾ Тамъ-же, т. I, прим. 298; VIII, прим. 67.

другихъ сдѣлкахъ; именно, знамя монеты соотвѣтствуетъ клейму бирки, а числа, означающія достоинство монеты, цифрамъ бирки.

Еще одно примѣненіе пятепъ или знаменъ было сдѣлано первобытными народами, это — употребленіе ихъ какъ первоначальнаго письма. Вырѣзанныя на чемъ-нибудь или начертанныя на какомъ-нибудь предметѣ пятна и знамена составляли первое извѣстное челоуѣчеству письмо. Клейма, будучи начертаны, представляли собою два различныя понятія: понятіе о предметѣ, который служилъ эмблемой лица или рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о самомъ лицѣ или родѣ, называвшемся именемъ этого предмета. Здѣсь, слѣдовательно, источникъ эмблематическихъ начертаній, которыя играютъ такую важную роль въ фигурномъ письмѣ. Собраніе начертанныхъ знаковъ даннаго народа уже составляетъ первоначальную фигурную азбуку, изъ которой развилось дальнѣйшее письмо.

Самыя простѣйшія мысли могутъ быть выражены на письмѣ одними клеймами; дѣйствительно, посредствомъ клеймъ дикари выражаютъ свои мысли, при чемъ матеріаломъ для письма служитъ собственная кожа. Такимъ образомъ, татуированіе есть родъ первоначальнаго письма. Приводимъ примѣръ самаго простѣйшаго изображенія своихъ мыслей. Одинъ храбрый начальникъ индѣйскаго племени, по имени Ванундохвалендъ желалъ, чтобы ему дали другое имя; для этого онъ нацѣпировалъ себѣ сверху подбородка изображеніе водяной ищерицы, и съ тѣхъ поръ началъ называться Твакахшавсу (водяная ищерица)¹⁾.

Если къ знакамъ собственности присоединить изображеніе нѣкоторыхъ чиселъ, съ начертаніями которыхъ знакомы всѣ почти народы, находящіеся въ первобытномъ состояніи, то составитя уже гораздо большее число знаковъ, съ помощью которыхъ не трудно выразить нѣкоторыя болѣе сложныя понятія.

У бродячихъ ловцовъ нашего сѣвера, у Самоѣдовъ, посредствомъ однихъ клеймъ и числовыхъ знаковъ пишутся своего рода предписанія или приказанія по службѣ, касающіяся до сбора ясачной подати и требованія подводъ. Самоѣдскіе старшины вырѣзываютъ на деревянной дощечкѣ клейма тѣхъ лицъ, отъ которыхъ требуется ясакъ или олени для подводъ; противъ этихъ клеймъ дѣлаютъ зарубки, означающія количество требующихся рублей, звѣриныхъ шкуръ или оленей, прикладываютъ тутъ же свое клеймо и приказъ готовъ;

¹⁾ Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit, von Klemm, т. II, стр. 39.

стѣить только отослать его по принадлежности ¹⁾). Конечно, такого рода письмо существовало и у Славянъ, если только они имѣли знаки собственности и числовые. Что въ первобытномъ письмѣ Славянъ важная роль была предоставлена тогдашнимъ числовымъ знакамъ, можно заключить изъ того, что они искусству чтенія и счисленія дали названія филологически тождественныя: слова читать и считать имѣютъ одинъ корень и показываютъ, что первоначально читали по цифрамъ, разумѣется, съ прибавленіемъ клеймъ. То же самое доказываютъ и другіе языки; напримѣръ, у Литовцевъ слова skaupan, skaityte означаютъ и читать, и считать; потому чтеніе называется считаньемъ буквъ ²⁾).

Далѣе, въ фигурномъ письмѣ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемся, кромѣ символическихъ знаковъ рода или отдѣльнаго лица, а также счетныхъ знаковъ, съ фигурными изображеніями другихъ предметовъ. Это письмо уже болѣе высшаго разряда. Приводимъ примѣръ выраженія мыслей и въ подобной формѣ. Одинъ престарѣлый Индѣецъ, племени Лснапе, котораго все тѣло было покрыто рубцами отъ стрѣлъ, разрисовалъ всѣ свои непокрытыя мѣста кожи фигурами, которыя имѣли отношеніе къ его геройскимъ подвигамъ, такъ что вся его исторія, такимъ образомъ, была представлена на кожѣ и его соплеменники могли читать ее по этимъ фигурамъ ³⁾).

Если признать у Славянъ существованіе фигурнаго письма, въ родѣ самоѣдскаго или индѣйскаго, то съ помощію его можно объяснить способъ составленія нѣкоторыхъ славянскихъ надписей и письменъ, о которыхъ упоминаютъ иностранные писатели и отечественные историческіе акты, напримѣръ, собственные подписи, которыми, по словамъ Константина Порфиророднаго, Хорваты подтвердили свою клятву нанимать не воевать съ другими народами; надпись на могильномъ столбѣ, на которомъ, по словамъ Ибня-Фодлана, писалось имя покойнаго съ пменемъ князя; извѣщеніе (какъ того требовалъ договоръ Игоря съ Греками) русскимъ княземъ о числѣ кораблей съ послами и гостями, которые посылались въ Византію и т. п. ⁴⁾).

Но для болѣе широкаго круга понятій, возникшихъ у Славянъ, уже недостаточно было картиннаго письма, которое притомъ, по своей

¹⁾ Арх. Губ. Вѣд. 1870 г., № 34.

²⁾ Litwa, Kraszewskiego. W. 1847, т. I, стр. 249.

³⁾ Allgem. Cult. Gesch. der Mensch., т. II, стр. 39.

⁴⁾ Сказ. иностр. о бытѣ Слав., Макушева Спб. 1861, стр. 163 — 165.

образности, довольно затрудняло пишущихъ. Поэтому, вмѣстѣ съ перемѣной въ характерѣ родовыхъ знаковъ, должно было появиться письмо простыми начертаніями и нарѣзками, письмо славянскими рунами, или тѣми чрѣтами (пятна) и рѣзами (знамена), которыми, по словамъ Черноризца Храбра „чѣтаху и гатаху Словѣне, погани суще“. Что славянскія руны возникли изъ пятенъ и знаменій, а не на оборотъ, какъ думаютъ нѣкоторые, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Навѣрно, позднѣйшія изысканія и сравненіе древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ, напримѣръ, на днахъ жертвенныхъ горшковъ ¹⁾, съ славянскими рунами покажутъ, что многіе изъ знаковъ перваго рода вошли въ составъ нашихъ рунъ. Въ подтвержденіе мысли о происхожденіи древнихъ славянскихъ письменныхъ знаковъ отъ пятенъ и знаменъ можно привести и филологическое соображеніе. По словамъ Шафарика, буквы у Славянъ назывались мѣтами или мѣтками, а писецъ—метельникъ; нынѣ же мѣтками и отмѣтинами называются знаки собственности ²⁾.

Арабскій писатель Ибнъ-Эль-Недимъ, сохранившій въ своемъ сочиненіи славянскія руны, сообщаетъ, что эти знаки были вырѣзываемы на кускахъ блага дерева. Что такой обычай существовалъ у насъ, подтверждаетъ слово „рѣзь“, которымъ обозначались буквы. О существованіи подобнаго же обыкновенія у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—Литовцевъ, находившихся, пожалуй, на низшей степени развитія, нежели Славяне, свидѣлствуютъ филологическія данныя. Вотъ что говоритъ Крашевскій по этому поводу: „письмо, писаніе по-литовски называется раштасъ, рашимасъ, пишу—рашау, письмо (написанное)—раштасъ. Значеніе этого слова, его корень указываетъ на характеръ древняго письма: рашыти, писать, означаетъ совершенно то же самое, что gizen, gupen по-готски, то-есть, вырѣзывать. Рашыти до сихъ поръ означаетъ вырѣзывать на камнѣ. Настѣчки, затеси на деревѣ называются, также какъ и письмо, раштасъ. Наконецъ, раштасъ означаетъ кусокъ дерева, а это еще болѣе подтверждаетъ, что первоначально писали на деревѣ зарубками—раштасъ и знаками—зинкласъ. Буквы по-литовски называются рашитине, или скаитытине

¹⁾ Изображ. ихъ см. въ Древностяхъ, изд. Моск. Археол. Общ. 1867, т. I, вып. 2, табл. VIII—XI.

²⁾ О началахъ наследов. въ древн. рус. правѣ, Никольскаго М. 1859, стр. 67.

(числовый знакъ, цифра), или раштелись, даже раштась... Слово раштыти, писать, употреблялось также для означенія цвѣтнаго вышиванья на рубахахъ¹⁾).

И у Славянъ первоначально руны вырѣзывались на доскахъ; оттого вошло въ обычай называть письмо дсками, даже и тогда, когда, вмѣсто дерева, стали употреблять для письма иной матеріалъ²⁾. Самое слово книга, по объясненію филологовъ, происходитъ отъ кнее или квіе, а кнее значитъ цень, дерево, доска³⁾. У Римлянъ богъ границъ, Гермесь, изображавшійся въ видѣ пограничныхъ камней, считался изобрѣтателемъ буквъ. Это, конечно, оттого, что на пограничныхъ камняхъ и столбахъ вырѣзывались сначала клейма и межевые знаки, а потомъ и разнаго рода надписи⁴⁾.

¹⁾ Litwa, Kraszew., т. I, стр. 248.

²⁾ Historia prawod. słowianis. Maciejowskiego, т. I, стр. 239.

³⁾ Slovanske pravo v Cechach a na Morave. Jiráček, т. I, стр. 152.

⁴⁾ Начало цивилиз., Лэбока, стр. 142.

И. Ю-Фименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1874.

В.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Францъ Палацкій I. I. Первольца.

Юридическіе знаки (Окончаніе) П. Ефименко.

О философскихъ трудахъ Н. Д. Юркевича. В. С. Соловьева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе *Геннадія Карпова*. М. 1870. К. П. Вестужева-Рюмина.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое послѣдованіе *В. Кожевникова*. Козловъ. 1874. Н. И.

Мусульманскія училища Туркестанскаго края И. Т.

Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ Д-ра Э. Клеузая.

О введеніи обязательнаго обученія по хатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній.

Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная А. Будиловича.

Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназій, в) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Д. Д.—ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(Смъ на 3-й стр. обѣртки.)

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ ¹⁾.

Знаки собственности у различныхъ дикихъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ народовъ. — Переходъ знаковъ у этихъ народовъ отъ родовыхъ къ общиннымъ, затѣмъ къ дворовымъ и личнымъ. — Такія же измѣненія въ знакахъ Славянъ. —

Общая классификація юридическихъ знаковъ.

Въ предшествующихъ главахъ нашего труда мы старались выяснить связь, существующую между нашими печатами, гербами, таврами, торговыми штемпелями, бирками, денежными и другими знаками и древними пятнами или знаменами, а черезъ нихъ и съ теперешними знаками собственности.

Мы знаемъ также, что крестьяне непроизвольно ввели между собою употребленіе знаковъ собственности и не заимствовали ихъ отъ сосѣднихъ народовъ, а получили ихъ какъ наслѣдство, отъ своихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Остается еще разрѣшить вопросы: въ какую именно эпоху возникли наши знаки собственности, что обусловливало ихъ появленіе, и каковъ былъ ихъ первоначальный характеръ и видъ? Корень нашихъ знаковъ — въ родовыхъ знакахъ Славянъ; они обязаны своимъ возникновеніемъ родовому быту нашихъ предковъ.

Дѣленіе на роды, колѣна, поколѣнія или племена можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта у народовъ, находящихся на различныхъ степеняхъ развитія, именно — не только у бродячихъ дикарей, но и у кочевниковъ, иногда даже у земледѣльческихъ племенъ. Мы его находимъ у Австралійцевъ, у Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, у Негровъ Африки, у полярныхъ номадовъ, и вообще, у Туранскихъ народовъ Азии. Есть и въ Европѣ племена, сохранившія родовыя формы быта, какъ увидимъ ниже. У всѣхъ этихъ народовъ существуютъ и особые родовые знаки.

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1874 г.

Австраійскіе дикари раздѣляются на роды, изъ которыхъ каждый отличается именемъ какого-нибудь животнаго или растенія, которое служитъ символомъ рода, или *кобонгомъ*. Членъ рода ни за что не убьетъ животнаго изъ породы, къ которой принадлежитъ его кобонгъ. Это объясняется увѣренностію, что кто-либо изъ этой породы—ихъ искреннѣйшій другъ, и убить его было бы величайшимъ преступленіемъ. Туземецъ, носящій имя растенія, позволяетъ себѣ сорвать его при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстную пору года ¹⁾). Символическіе знаки, или кобонги, владутся австраійскими племенами на ихъ оружіяхъ, утвари, украшеніяхъ и выдѣлываются на тѣлѣ чрезъ татуированіе ²⁾). На островахъ Тихаго океана существуетъ обычай, при помощи своихъ знаковъ, превращать въ частную собственность рѣдкія деревья и растенія. Всякій, замѣтившій плоды на какомъ-либо лѣсномъ деревѣ, можетъ сдѣлать на немъ извѣстный знакъ, и тогда плоды эти не будутъ никѣмъ тронуты и могутъ окончательно дозрѣть ³⁾).

У Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки каждый родъ также называется особымъ именемъ—*тотемъ* или *додемъ*,—которымъ обыкновенно служитъ названіе какого-нибудь одушевленнаго предмета, напримѣръ, медвѣдя, волка, бобра, черепахи, цапли, акулы и проч., и рѣдко или никогда не одушевленнаго предмета ⁴⁾). Это прозвище рода есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его символическій знакъ, изображаемый на различныхъ предметахъ ⁵⁾). Важность значенія этихъ тотемовъ объясняетъ Лэбокъ въ своемъ сочиненіи „Начало цивилизаціи“ еще тѣмъ, что люди положительно ведутъ отъ нихъ свою родословную. Голубь, медвѣдь и волкъ, кажется, были первобытными и самыми уважаемыми тотемами въ большей части племенъ и пользуются до сихъ поръ громаднымъ значеніемъ въ преданіяхъ Ирокезовъ и Ленани или Делаваровъ. Озагавы, напротивъ, предполагаютъ, что они происходятъ отъ бобра и потому никогда не убиваютъ этого обожаемаго ими животнаго.

Хонды Индіи также принимаютъ названія отъ различныхъ животныхъ, такъ что племена ихъ дѣлятся: на медвѣжье племя, свиное

¹⁾ Доисторич. бытъ человека, *Тайлоръ*, стр. 109. Нач.: цивилизаціи *Лэбока*, стр. 34—36, 126.

²⁾ *Allgem. Cultur-Gesch. der Mensch. Клемт.* I, 319.

³⁾ Азбука соціальн. наукъ. С.-Пб. 1871. Ч. I, стр. 37.

⁴⁾ См. №№ 361—365 на нашихъ таблицахъ.

⁵⁾ Доисторич. бытъ человека, 382—385. Нач. цивилпз., стр. 40.

племя, оленье племя и т. д. Колю Нагпора тоже дѣлятся на кеели или кланы, по большей части называемые по имени животныхъ, которыхъ вслѣдствіе этого они не ѣдятъ ¹⁾).

Въ Африкѣ христіанскіе миссіонеры нашли между Неграми такое обыкновеніе, что каждое колѣно обожаетъ какой-либо особый предметъ, чаще всего животныхъ. Имена обоготворяемыхъ животныхъ, признающихся покровителями племени и не употребляемыхъ поэтому въ пищу, принимаются за родовыя прозвища.

Обожанію животныхъ, служившихъ тотемами, авторъ „Начала цивилизаціи“ лаетъ такое широкое и важное значеніе, что отводитъ ему особое мѣсто въ исторіи развитія человѣческихъ вѣрованій, именуя даже особый періодъ въ исторіи религій *тотемизмомъ*. Впрочемъ, онъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ вѣрно объясняетъ происхожденіе этого обоготворенія. По его словамъ, обожаніе животныхъ произошло отъ обыкновенія называть сперва отдѣльныя личности, а потомъ—ихъ семьи, именами различныхъ животныхъ. Семья, напримѣръ, названная медвѣдемъ, смотрѣла на это животное сперва съ особымъ участіемъ, затѣмъ, съ уваженіемъ, и наконецъ, съ благоговѣніемъ ²⁾. Мы же думаемъ, что обоготвореніе животныхъ должно было явиться помимо того обстоятельства, что именами ихъ называли людей; оно вытекало прямо изъ потребности человѣка обоготворять явленія внѣшняго міра и коренится въ такъ-называемомъ фетишизмѣ. Наименованіе же людей именами животныхъ только способствовало развитію бѣльшаго уваженія къ царству животныхъ. Не у всѣхъ народовъ, даже находящихся на низшей степени развитія, символами родовъ и семей въ настоящее время служатъ одни животныя; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ употребленіи уже другіе знаки, какъ можно судить по изображеніямъ ихъ татуировки.

Разрисовка кожи, по словамъ Лэбока, почти повсемѣстна между низшими расами. Иногда каждый разрисовываетъ себя по своему вкусу; иногда же у каждаго клана свой особый рисунокъ. Вотъ что разказываютъ, напримѣръ, объ Аббеокутахъ. Они изображаютъ на себѣ различныя фигуры—черепахъ, алигаторовъ, ящерицъ, звѣзды, круги, зигзаги, прямыя лініи, ваемочки, узелки и проч. У нихъ всякое племя, всякій кланъ, даже всякое семейство имѣетъ свой гербъ, безкончныя видоизмѣненія котораго можно сравнить только развѣ съ

¹⁾ Начало цивилизаціи, стр. 126 — 127.

²⁾ Начало цивилизаціи, стр. 126.

разнообразіемъ европейской геральдики. Племенный знакъ Буинговъ въ Африкѣ состоитъ изъ трехъ шрамовъ, начинающихся на теменіи и пересѣкающихъ все лицо до рта. Жители Формозы отпечатлѣваютъ на своей кожѣ различныя фигуры деревьевъ, цвѣтовъ и животныхъ. Новозеландцы разрисовываютъ себя кривыми или спиральными линиями. Они употребляютъ свои мохо, или рисунки татуировки, вмѣсто подписи ¹⁾. По нашему мнѣнію, знаки втораго рода, то-есть, состоящіе изъ линий, произошли отъ знаковъ перваго рода, то-есть, отъ изображеній животныхъ и другихъ обоготворяемыхъ предметовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что татуированіе у многихъ дикихъ народовъ имѣетъ религіозное значеніе, даже тамъ, гдѣ для татуировки употребляются простыя линіи ²⁾.

Татуированіе первобытныхъ народовъ перешло у расъ болѣе развитыхъ въ нѣкоторыя другія обыкновенія. Такъ, у нѣкоторыхъ изъ племенъ Индусовъ, принатіе въ племя дѣтей совершается, на пятомъ году, чрезъ выдавливаніе на рукѣ особаго знака ³⁾. Всѣ мужчины городовъ Мекки и Джидды отличаются особыми знаками, которые татуируютъ имъ родители обыкновенно въ сороковой день послѣ ихъ рожденія. Эти знаки, состоя изъ трехъ длинныхъ насѣчекъ или разрѣзовъ, сдѣланныхъ на обѣихъ щекахъ, и двухъ на правомъ вискѣ, представляютъ рубцы въ три или четыре линіи, и потому не изглаживаются во всю жизнь. Бедуины не соблюдаютъ этого обычая, Мекканцы же гордятся этимъ отличіемъ, которое исключаетъ всѣхъ жителей другихъ мѣстностей отъ великой чести принадлежать къ числу уроженцевъ святаго города. Чрезвычайно рѣдко татуируютъ такимъ же знакомъ и дѣвочки ⁴⁾. Это напоминаетъ намъ обычай христіанскаго населенія Іерусалима и паломниковъ татуировать себѣ знакъ креста съ Адамовою головою на правой рукѣ. Западно-европейскіе моряки употребляютъ на рукахъ татуировку въ видѣ имени корабля, года и числа поступленія на судно и собственнаго имени.

Всѣ почти кочевники Средней Азіи имѣютъ свои родовые знаки.

¹⁾ Начало цивилизаціи, стр. 40 — 43.

²⁾ *Anthropologie der Naturvölker von Waitz*, 5 ч. 2 отдѣл. 1870 г., стр. 67. Въ Микронезіи дикари на однихъ островахъ думаютъ, что татуированіе обитателей предохраняетъ островъ отъ гибели въ волнахъ моря, на другихъ — что только нататуированные идутъ послѣ смерти въ царство блаженныхъ, на третьихъ — что только нататуированные могутъ посѣщать священныя мѣста и т. д.

³⁾ *Die Rechtsverhältnisse bei verschied. Völker der Erde von Bastian*. Berl. 1872, стр. 166.

⁴⁾ О племенахъ земнаго шара, Хама. Спб. 1864, ч. 3, стр. 44.

Родовые символы теряют здѣсь значеніе прозвищъ для родовъ, ибо роды уже называются другими именами, напримѣръ, именами родоначальниковъ, мѣсть кочевки и т. п. Они уже не имѣютъ того священнаго значенія, какъ у дикарей, и состоятъ по большей части изъ изображеній предметовъ домашней жизни и вообще кочевой и т. п.

Чтобы показать, какое значеніе имѣютъ родовые знаки у азіатскихъ племенъ, приведемъ въ примѣръ нѣсколько живущихъ въ предѣлахъ Россіи азіатскихъ народовъ, живо еще сохраняющихъ родовой строй жизни—Киргизъ, Кундровскихъ Татаръ, Калмыковъ и др.

Киргизы Малой Орды дѣлятся на 18 родовъ. Каждый изъ родовъ подраздѣляется на отдѣленія, а отдѣленія — на подотдѣленія. Роды значительно разнятся между собою по числу своихъ членовъ: самый малый изъ нихъ состоитъ изъ 300 кибитокъ, а самый большой—изъ 12 тысячъ кибитокъ. Всякій родъ имѣетъ свой знакъ, называемый тамгою. Тамги имѣютъ свои особныя наименованія, смотря по тому, что онѣ представляютъ. Такъ, у Султанскаго рода тамгой служитъ *джа-окъ*, то-есть, лукъ со стрѣлой (№ 351); султанская тамга называется *хань-тамга*; у Табынскаго рода — *таракъ*, то-есть, гребень (№ 352); у рода Хаджи — *алифъ*, то-есть, буква а (№ 353); у Кирдиринаскаго, равно какъ и у Шумишли-Табынскаго рода—*шумишъ*, то-есть, ковшикъ (№ 354); у Алачинскаго рода—*костамалы*, то-есть, два, соединенные въ одно (№ 355); у Байкынскаго—*серіе*, деревянный намордникъ, надѣваемый на жеребятъ, чтобы они не сосали матерокъ (№ 356); у Черкесскаго — *узмиъ-тамга*, то-есть, длинная тамга (№ 357); у Адаевскаго—*таль-тамга*, то-есть, языкъ тамга (№ 358); у Китинскаго — *чекъ-тамга*, то-есть, знакъ или перекладина вверху кибитки (№ 359), и т. д. Родовыя тамги Киргизъ кладутся на лошадахъ и овцахъ посредствомъ раскаленнаго желѣза; тамги иногда выдѣлываются на кошмахъ, то-есть, войлокахъ; онѣ же прикладываются къ бумагамъ вмѣстѣ съ подписями. У другихъ азіатскихъ народовъ тамги изображаются и на знаменахъ поколѣній¹⁾. Всякій пришлецъ долженъ быть приписанъ къ тому или другому поколѣнію и съ того времени пользуется его тамгою.

¹⁾ Не одни восточные народы изображали на знаменахъ свои родовые знаки. У древнихъ Германцевъ, по указанію Тацита, также были значки съ изображеніями звѣрей, для отличія и группированія воинскихъ массъ (Истор. цивилиз. Германіи, *Шерра*. Спб. 1869, стр. 196). Объ обычаяхъ изображать животныхъ на знаменахъ, по словамъ Лэбома, упоминаетъ и Плутархъ, который именно этому обстоятельству приписываетъ возникновеніе обожанія животныхъ (Начало цивилиз., стр. 125).

Тамги и примѣты, о которыхъ мы говорили раньше, важны особенно въ случаяхъ грабежа, воровства и вообще пропажи животныхъ, составляющихъ почти единственное богатство Киргизъ: овецъ, лошадей и проч. Когда Киргизы отобьютъ свой скотъ отъ грабителей изъ враждебныхъ поколѣній, то узнаютъ по тамгамъ и примѣтамъ, какому роду онъ принадлежитъ, и возвращаютъ въ родъ, а этотъ ужъ отдаетъ животныхъ по принадлежности. Воры и грабители скота стараются уничтожить на немъ старыя тамги и примѣты и наложить знаки своего рода. Тамъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, такая поддѣлка служитъ доказательствомъ въ совершеніи преступленія. Если прежняя тамга заростетъ шерстью, то судьи пробриваютъ шерсть и по шрамамъ заключаютъ о воровствѣ¹⁾.

Приведемъ еще свѣдѣнія о родовомъ устройствѣ Кундровскихъ Татаръ, кочевыхъ ивородцахъ Астраханской губерніи. Кундровскіе Татары проводятъ зиму, по примѣру осѣдлыхъ жителей, въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, Сейтовкѣ и Хожетаевкѣ, а лѣтомъ кочуютъ по неплодороднымъ степямъ лѣваго берега Волги. По преданіямъ, они считаютъ своимъ родоначальникомъ одного изъ мурзь Большаго-Ногаля, по имени Измаила, у котораго былъ сынъ Едигей, а отъ сыновей-то этого Едигея—Касая и Каспулата — произошли нѣсколько родовъ или поколѣній Кундровцевъ.

Отъ Каспулата идутъ слѣдующіе три рода: Асъ, Найманъ и Тибетпесъ. Асскіе Кундровцы живутъ въ селеніи Хожетаевкѣ, или какъ выговариваютъ сами Татары, Ходжетай. Круглымъ числомъ считается ихъ до 600 душъ мужскаго пола. Тамга этого рода—прямая черта, направленная отъ лѣвой стороны къ правой: *кусой*, то-есть, палецъ. Родъ Асъ подраздѣляется на два отдѣленія: 1) Шотукъ, 2) Култасъ. Родъ Найманъ живетъ въ селеніи Сейтовкѣ; число душъ мужскаго пола простирается до 500. Найманскій родъ раздѣляется на три отрасли или отдѣленія: 1) Джагалбайлы; его тамга состоитъ изъ двухъ чертъ (съ одного конца тупыхъ, съ другаго — заостренныхъ), положенныхъ одна на другую, въ видѣ буквы Т, что довольно близко походитъ на молотокъ, какъ она и дѣйствительно называется: *шугушъ тамга*, а шугушъ, или по другому выговору, чокушъ, означаетъ молотокъ. 2) Баганайле; тамга этого отдѣленія есть черта, сверху нѣсколько раздвоенная (Y); она представляетъ собою родъ подпорки или сучковатой жерди, а потому и называется *баиана*, столбъ. 3) Шо-

¹⁾ Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды.

балачи; тамга его — палецъ, *илинъ*; для различія этой тамги съ тамгой Аскаго рода, она кладется не слѣва направо, а отъ правой стороны къ лѣвой. Родъ Тюбетпесъ, иначе называемый Джангы-найманъ, или Янгинайманъ, то-есть, новые Найманы живутъ въ Хожетаевкѣ; численность его полагается душъ въ 600 мужескаго пола. Этотъ родъ употребляетъ ханскую тамгу, *таракъ*, гребень.

Отъ Касая произошелъ только одинъ родъ Мангышъ, подраздѣлившійся на шесть отраслей: 1) Мангытъ. Кондровцы этого отдѣленія живутъ и въ Сейтовкѣ, и въ Хожетаевкѣ; въ каждомъ изъ нихъ численность Мангытовъ доходитъ до 1.000 душъ мужескаго пола. Тамга ихъ—ковшъ, *шемишъ*. 2) Кугюссъ; они живутъ въ Хожетаевкѣ; ихъ численность около 400 душъ мужескаго пола; тамга ихъ или *ковшъ*, или *полумъсянъ*, *ай*. 3) Эргенекли; они живутъ тоже въ Хожетаевкѣ, въ числѣ, не превышающемъ 400 душъ мужескаго пола. Одна половина Кундровцовъ изъ отдѣленія Эргенекли имѣетъ тамгой ковшъ, другая—рѣшотку для ограды, *эргенекъ*. 4) Алтоикъ: мѣстожителство, численность и тамга тѣ же, что и у Эргенекли. 5) Байгунда. Татары этого отдѣленія живутъ въ Сейтовкѣ, население ихъ полагается душъ въ тысячу; тамга ихъ—ковшъ. Отдѣленіе Байгунда раздѣляется на пять подотдѣленій: Байгунда, Ютугуль, Джальмамбетъ, Аджимбетъ и Аншай. 6) Темирходжа; они живутъ въ Сейтовкѣ, общее число ихъ около 400 душъ мужескаго пола. У Темирходжи три подотдѣленія: а) Темирходжа; его тамга—сабля, *кышъ*, кривая черта, съ одного конца нѣсколько перечеркнутая для обозначенія клинка и эфеса; б) Кирендъ и в) Тойермали: тамги у нихъ — ковшъ съ кривою ручкой, называемый *тойермалѣ*.

У Кундровскихъ Татаръ есть еще два рода, или двѣ отрасли, неизвѣстныя по происхожденію: это 1) Сальджугутъ, въ числѣ около ста душъ мужескаго пола, обитающіе въ Сейтовкѣ; тамга ихъ четырехугольникъ, составленный изъ прямыхъ чертъ \square , что означаетъ домъ, *юй*, отчего и тамга эта называется *юй-тамга*, и 2) Токъ; они, всего душъ полтора ста мужескаго пола, живутъ тоже въ Сейтовкѣ; въ тамгѣ у нихъ родъ треугольника, обозначающій тотъ клочекъ бумаги съ писаннымъ текстомъ изъ Корана, который благочестивые магометане носятъ на шеѣ. Тамга эта \triangle называется *дуа-тамга*. Впрочемъ, въ послѣднее время отрасли Сальджугутъ и Токъ замѣнили эти тамги тамгой—ковшъ съ кривою ручкой¹⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣл 1852 г., кн. 6. Волжское низовье. Небольсина, стр. 356—359.

Калмыки, кочующіе въ Астраханской губерніи, дѣлятся на улусы, которыхъ всего семь; улусы составляются изъ родственныхъ между собою родовъ или анги; роды дробятся на аймаки, послѣдніе на хотоны, а хотонъ—это группа близко родственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ на данной мѣстности. Изъ числа семи улусовъ три считаются владѣльческими, а остальные, какъ выморочные, казенными. Казенные улусы управляются назначаемыми отъ правительства особыми правителями, а владѣльческіе — нойонами; власть переходитъ къ старшему въ родѣ. Владѣльцамъ улусовъ подчинены зайсанги, пользующіеся нѣкоторыми правами владѣнія надъ своими аймаками, которые, какъ и улусы, переходятъ безраздѣльно, по праву наслѣдства, къ старшему въ родѣ. У Калмыковъ существуютъ тамги не только улусныя и родовыя, но и у отдѣльныхъ нойоновъ, зайсанговъ и даже иногда у простыхъ Калмыковъ¹⁾. Тамги наиболѣе всего употребительны для тавренія лошадей. Калмыки таврятъ молодыхъ жеребятъ по достиженіи ими одного года. Обычай этотъ существуетъ не только у Калмыковъ, но и у всѣхъ сосѣднихъ съ ними инородцевъ, также какъ и у Русскихъ, имѣющихъ свои табуны.

На нашей таблицѣ подъ №№ 316 по 322 изображены клейма Калмыковъ Яндыковского улуса, разныхъ родовъ и отдѣленій. Такъ, подъ №№ 316 и 317 клейма Барунова рода (по всей вѣроятности—разныхъ аймаковъ), подъ № 318 клеймо Керетова рода и Трухмянъ Чогдурова рода; № 319—Шабинерова рода и Теленгутова рода Хошаутовскаго улуса. № 320—Багутова рода; это тавро находится въ четырехъ родахъ, составлявшихъ въ древности одинъ,—теперь различіе идетъ только въ величинѣ тамги. № 321 — Бага-Цатанова рода, № 322 — Аха-Цатанова рода и у крещеныхъ Калмыковъ, причисленныхъ къ Моздокскому казачьему полку, которые прежде принадлежали этому роду. Подъ №№ 323, 324 и 325 клейма Малодербетскаго улуса Абганепова рода. Подъ № 326 общее тавро Эркетеновскаго улуса, подъ № 327 — того же улуса Хожчутова рода (русское тавро). Подъ № 328 клеймо Багацохуровскаго улуса Барунова рода. Подъ №№ 329 до 336 включительно клейма Хошоутовскаго улуса. Изъ нихъ № 329 Ики-Хошоутова и Бага-Хошоутова рода; только въ первомъ тамга больше, а въ послѣднемъ меньше. № 330 — Эркетенева рода, № 331 въ Хошоутовскомъ улусѣ въ скотоводствѣ, № 332 тоже, № 333—Керетова

¹⁾ Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Куко-Маньтской экспедиціи, изд. Мин. Гос. Имущ. Спб. 1868 г., стр. 106, 130.

рода, также у Киргизъ Джансырова рода и у Мочажныхъ Татаръ, № 334 — Шабинерова рода, № 335 тоже, только основанъ въ различіе. № 336 — того же улуса, въ скотоводствѣ. Подъ №№ 337, 338 и 339 изображены клейма Икицохуровскаго улуса: первое — Ярғачинъ-Эркетенева рода, второе — Ачинерова рода и у Хошоутовскаго владѣльца нойона Тюменева, третье — Эюнгарова рода, также Хошоутовскаго улуса Цаатанова рода, у Каранагайцевъ Найманова куба и у Кабардинцевъ, только у послѣднихъ тавро бываетъ длиннѣе, во всю лыжку. № 340 — Харахусовскаго улуса Харахусова рода, также Багацановскаго улуса Ламинъ-Шабинерова рода, у Каранагайцевъ Найманова куба и у Мочажныхъ Татаръ бухарскаго двора. № 341 — Малодербетевскаго, Эрденіевскаго и Хошоутовскаго улусовъ. № 342 — Багацохтровскаго зайсанга Собокова; № 343 — Икицохуровскаго нойона Церена-Убуши и Киргизскаго хана Внутренней Орды; № 344 — нойона Тюменева; № 345 — нойона Тундудтова; № 346 — нойона Очира Ханчукова; № 347 — нойона Дугарева; № 348 — Калмыка Яндыковскаго улуса Багильда Цакупова; № 349 — Калмыка Эркетеневскаго улуса Чевана Зундуева; № 350 — Калмыка того же улуса Уту-Насунъ-Ширипова ¹⁾).

Примѣръ Кундровскихъ Татаръ и Калмыковъ Астраханской губерніи показываетъ, что вмѣстѣ съ разростаніемъ родовъ и съ разчлененіемъ ихъ на отдѣльныя самостоятельныя части или отдѣлы, родовые знаки могутъ дѣлаться знаками отдѣленій и подотдѣленій. При дальнѣйшемъ развитіи быта, при самомъ началѣ распаденія родовыхъ связей, эти знаки часто переходятъ въ общинныя, и наконецъ, дворовыя или личныя. Вмѣстѣ съ такимъ переходомъ все яснѣе и яснѣе обозначается ихъ главный характеръ какъ знаковъ собственности, и расширяется кругъ ихъ примѣненія въ практической жизни. Такъ, у ииородческихъ племенъ Архангельской губерніи, Лопарей и Самоѣдовъ, у которыхъ родовой бытъ клонится къ распаденію, родовые знаки уже перешли въ знаки собственности. Но по бѣдности бытовой обстановки, они не могутъ еще получить такого многосторонняго примѣненія, какъ у другихъ ихъ соплеменниковъ, напримѣръ, Зырянъ и Корель, которые въ культурномъ отношеніи стоятъ несравненно выше первыхъ. Въ то время, какъ Самоѣды и Лопари употребляютъ свои знаки только какъ клейма на животныхъ и нѣкоторыя вещахъ и вмѣсто подписей, Зыряне и Корелы пользуются

¹⁾ Калмыцкая степь. Прилож. 1-е.

ими почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ и мѣстнос русское население. У Тунгусовъ и Якутъ Сибири, находящихся не на высокой степени культурнаго развитія, уже въ XVII столѣтїи клейма, кажется, являются съ характеромъ личныхъ знаковъ ¹⁾).

Что клейма дѣйствительно могутъ переходить изъ родовыхъ въ фамильныя, въ этомъ можно убѣдиться на клеймахъ Пермиковъ. Живущіе въ Пермской губерніи Пермьки нынѣ имѣютъ фамильные знаки, которыми обозначаютъ предѣлы захваченнаго въ лѣсу угодья, свои борти и улья, деревья, нужныя для хозяйства, накладываютъ ихъ на лошадахъ посредствомъ раскаленнаго желѣза, прикладываятъ къ роспискамъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ такіе знаки переходятъ вмѣстѣ съ имуществомъ, къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода или семьи, является и новый знакъ. Иногда, вмѣстѣ со знакомъ, присвоивается роду особое прозваніе, напримѣръ, родъ Гимровниныхъ происходитъ отъ фамиліи Васьяниныхъ, родъ Оленичей изъ фамиліи Щукиныхъ и т. д. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія, и пося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки. Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что еще не такъ давно семейные знаки Пермиковъ были родовыми. Дѣйствительно, сохранилась довольно старая рукопись, содержащая въ себѣ изображеніе родовыхъ знаменій, съ описаніемъ, какому роду знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ ²⁾).

Все сказанное позволяетъ думать, что и у Славянъ знаки собственности развивались такимъ же порядкомъ. Сначала они были родовыми знаками, а потомъ, съ ослабленіемъ родоваго быта, обратились въ знаки домовые. Разумѣется, переходъ этотъ совершался не вдругъ и не скачками, такъ что наши знаки должны были пройти не одну фазу развитія. Развитіе же ихъ обуславливалось прогрессивнымъ движеніемъ бытовой жизни народа.

Что Славяне въ началѣ своего историческаго существованія жили въ формахъ родоваго быта — объ этомъ свидѣтельствуетъ много историческихъ данныхъ, не отвергаемыхъ никѣмъ; но есть и прямое доказательство; это именно очевидные остатки родоваго быта, сохранившіеся у одного изъ славянскихъ племенъ. Мы говоримъ о Черногорцахъ. Черногорцы до сихъ норъ дѣлятся на племена, отдѣ-

¹⁾ Изображенія якутскихъ и тунгусскихъ клеймъ можно найти въ Дополн. къ Актамъ Историч. изд. Археогр. Ком., т. VII, 1859 г. №№ 1—30.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, № 12, стр. 338; завед. Моск. общ. любит. естествозн., 17-го марта,

ленія и братства, какъ и другіе народы, находящіеся на той же ступени развитія. Каждое племя, отдѣленіе и братство имѣетъ свое названіе, и эти названія входятъ въ составъ фамильнаго прозвища всякаго Черногорца ¹⁾). Причинъ, способствовавшихъ сохраненію этого архаическаго строя жизни среди Славянъ, надобно искать въ территоріальномъ положеніи и историческихъ условіяхъ Черногоріи. Наши предки, Русскіе Славяне, сравнительно, довольно рано разорвали узы родового быта; впрочемъ, не такъ рано, какъ полагаютъ нѣкоторые наши ученые. Въ Русской Правдѣ можно найти еще много указаній если не на явное существованіе формъ кровнаго быта, то по крайней мѣрѣ, на очевидныя остатки его, или лучше сказать, на промежуточные явленія, свидѣтельствующія о господствѣ родовой общины.

Для насъ весьма важно знать, изъ какихъ частей складывалась наша родовая община, и какъ она распадалась съ развитіемъ народной жизни. Выскажу здѣсь свои соображенія, добытыя изъ изученія теперешней русской общины крайняго сѣвера Европейской Россіи и изъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ о ней прошлаго и семнадцатаго столѣтій. Но то, что будетъ высказано здѣсь, не считаю возможнымъ подтверждать теперь же фактами, ибо такимъ образомъ мы далеко ушли бы отъ свѣдей ближайшей цѣли. Родовая община, какъ извѣстно изъ Русской Правды, называлась въ древности вервью, потому что обвервливалась (*вервить* значитъ измѣрять землю веревкой) вокругъ и отвервливалась отъ другихъ вервей, подобно германской маркѣ. Мы еще не знаемъ навѣрное, соответствовала ли вервь цѣлому роду, или только его отдѣленію, или подотдѣленію, скорѣе всего послѣднимъ; но для насъ это пока безразлично. Вервь складывалась изъ отдѣльныхъ маленькихъ, но значительно разбросанныхъ деревень, которыя назывались *отмищами* или *печищами*, и находились, подобно западно-славянской задругѣ, подъ управленіемъ старѣйшинъ, называвшихся *отмищанами* или *печищанами*. Каждая вервь спачала владѣла землей пахатною и сѣнокосною сообща. Потомъ земли верви раздробились между печищами, при чемъ всѣ члены печища владѣли ею нераздѣльно, не раздробляя ея между собою; пастбища же и лѣса по прежнему оставались въ общемъ владѣніи верви. Затѣмъ появилась частная поземельная собственность въ печищахъ, но такъ, что она не уничтожала совершенно общей собственности печищъ; напротивъ, частная собственность уживалась мирно рядомъ

¹⁾ Pravní običaji u Slovena, Bogišić, стр. 36.

съ общимъ землевладѣніемъ. Часть земли дѣлилась между родственниками, составлявшими печище, или *складниками*, и они владѣли ея на правахъ полной собственности, а другая составляла ихъ общее достояніе, и они обрабатывали ее сообща. Владѣніе земель на правахъ полной собственности отмѣнено правительствомъ, которое ввело повсемѣстно общинное землевладѣніе. Что такова была историческая судьба сѣверной общины, это, какъ уже сказано, мы попытаемся доказать въ другомъ мѣстѣ; для нашей цѣли достаточно и того, что здѣсь изложено. Теперь нужно узнать, какія измѣненія претерпѣвали наши родовые знаки вмѣстѣ съ превращеніями, совершавшимися въ общинѣ. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній, по крайней мѣрѣ, для первоначальнаго измѣненія родовыхъ знаковъ, мы не имѣемъ, а можемъ дѣлать свои заключенія только по аналогическимъ явленіямъ, замѣчаемымъ у другихъ народовъ. Съ распаденіемъ каждаго рода на отдѣленія и пододѣленія, изъ которыхъ составились родовыя общины или верви, родовые знаки нашихъ предковъ должны были, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Кундровскихъ Татаръ, раздробиться на знаки отдѣленій или общинные знаки. Въроятно, когда у насъ впервые обмѣривались и разграничивались верви, то каждая изъ нихъ получала свой знакъ, которымъ обозначались предѣлы верви. То же самое было и у древнихъ Германцевъ, какъ свидѣтельствуютъ данныя филологіи и исторіи. Какъ древняя родовая община Германцевъ, такъ и всѣ земли, принадлежавшія общинѣ, равно и граница земель, и служившіе границей, находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга, и даже клейма, съ отдаленнѣйшихъ временъ употребившіеся въ Германіи и налагавшіеся между прочимъ, на предметы межевые, обозначались однимъ и тѣмъ же именемъ, марки ¹⁾. И у насъ, какъ мы видѣли раньше, слово, обозначавшее клеймо, знамя, было перенесено, если не на всю общинную землю, то по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую часть ея, собственно на лѣсныя уголья и на межевые знаки, обозначавшіе болѣе или менѣе обширныя пространства. Все это служитъ намекомъ на существованіе у насъ веревныхъ знаковъ. При распаденіи общинъ на отдѣльные мелкіе поселки или печища, то-есть съ переходомъ поземельнаго землевладѣнія отъ общиннаго къ печищному, общинные знаки перешли въ печищные, а

¹⁾ Архивъ истор. юрид. свѣд. *Калачева*, кн. 2-я пол. 1-я М. 1855 г.: О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ *Грановскаго*. Древности 1867 г. т. I вып. 2: Замѣтка *А. Котляревскаго* къ ст. гр. *Тышкевича*, стр. 246. *Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm*, Göt. 1854, стр. 406.

потомъ уже эти послѣдніе—въ дворовые или домовые. Возвратимся нѣсколько назадъ, чтобъ убѣдиться въ послѣднемъ превращеніи, то-есть въ образованіи домовыхъ знаковъ изъ печичныхъ.

Говоря въ началѣ статьи о знакахъ собственности въ Архангельской губерніи и о способѣ ихъ передачи отъ одного лица къ другому, мы сказали, что въ теперешнихъ домовыхъ знакахъ собственности можно почти всегда замѣтить основной или коренной знакъ старой семьи, изъ которой образовались новыя. Въ примѣръ мы приводили крестьянина Чудинова: члены этого семейства, сначала сыновья, а потомъ зятья-пріемыши, принявъ въ основу своего клеймотцовскій знакъ, крестъ въ видѣ римской цифры X, измѣнили его прибавкою рубежей, за исключеніемъ младшаго сына, который, оставшись въ родительскомъ домѣ, удержалъ безъ измѣненія клеймо отца. Такимъ образомъ, крестъ остался кореннымъ знакомъ всего Чудиновскаго рода, составлявшаго собою до 1831 года отдѣльное печичце. Если бы члены Чудиновскаго печичца не дѣлились землей, хотя бы и жили въ разныхъ домахъ, какъ бывало въ старину, то этотъ знакъ оставался бы у нихъ общимъ, печичнымъ. Возникновеніе дѣлежей земли между лицами, входившими въ составъ печичца, но такъ, что часть земли оставалась общею, вызвало обыкновеніе отклеивываться особыми знаками, въ которыхъ, однакоже, можно было узнать общій печичный знакъ ¹⁾. Въ наше время, когда память о печичцахъ почти угасла, вслѣдствіе, съ одной стороны, введенія правительствомъ общиннаго землевладѣнія, а съ другой—вслѣдствіе крайняго дробленія семей, наши теперешніе знаки имѣютъ ужъ исключительно характеръ домовыхъ или дворовыхъ клеймъ. Такъ какъ наши знаки переходили различныя фазы своего развитія согласно измѣненіямъ въ характерѣ землевладѣнія, слѣдовательно, подъ вліяніемъ хозяйственнаго или экономическаго начала, то въ нихъ не сохранилось того кровнаго или родоваго элемента, который бросается въ глаза въ гербахъ знатныхъ польскихъ фамилій. Тогда какъ у насъ клейма являются лишь представителями только двора, а въ прежнее время—печичца, польскіе гербы служатъ символами цѣлыхъ рядовъ фамилій, происходящихъ отъ одного корня или искусственно приписанныхъ къ одному роду.

¹⁾ Мацѣвскій говоритъ, что нѣкогда деревни возникали у Славянъ такъ: возлѣ родительскаго дома, переходившаго къ младшему сыну, являлись строенія остальныхъ сыновей, которые имѣли одну фамилію и одинъ знакъ (гербъ). Hist. pravad. т. III, 364.

Такъ какъ въ польскихъ гербахъ обнаруживается въ сильной степени родовой принципъ, то можно думать, что они получили свое начало въ родовыхъ знакахъ Польскихъ Славянъ; правда, противъ такого заключенія могутъ быть приводимы историческія данныя, которыя утверждаютъ, что принятіе гербовъ польскимъ дворянствомъ началось никакъ не раньше XIV столѣтія; слѣдовательно когда родовые знаки должны были уже исчезнуть ¹⁾; но, принявъ во вниманіе тотъ фактъ, что своего рода гербовые знаки существуютъ до настоящаго времени въ иныхъ мѣстахъ Польши между простымъ народомъ, нельзя безусловно отрицать возможности происхожденія польскихъ гербовъ именно отъ родовыхъ знаковъ. О Карпатскихъ Польскихъ горцахъ сообщаютъ, что они дѣлятся на двѣнадцать отдѣльныхъ родовъ, различающихся одеждой и обычаями. Изъ нихъ такъ называемые Татранскіе солтыси (Татры—отрасль Карпатовъ) распались на множество семей, которыя, однако, признають другъ друга за родственниковъ, за членовъ одного рода, пользуются *общимъ гербомъ*, имѣютъ фамильный прозвища, держатся, по преданію, известнаго образа жизни и заработковъ, имѣютъ собственныхъ выборныхъ начальниковъ и вообще бытомъ своимъ напоминаютъ шотландскіе кланы ²⁾. Въ виду подобныхъ фактовъ, нельзя не считать страннымъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые (какъ напримѣръ, графъ Тышкевичъ) не хотять видѣть корня аристократическихъ гербовъ въ гербахъ простаго народа, и нельзя не раздѣлять мнѣнія другихъ польскихъ писателей, которые придерживаются противоположнаго взгляда. Такъ, Новосельскій, авторъ книги *Lud Ukrainsky*, говоритъ: „Зоріанъ Ходаковскій первый замѣтилъ, что между гербовыми знаками Славянъ и ихъ древними религіозными представленіями и символами должно быть известное соотношеніе; дѣйствительно, такъ и было, потому что первоначальные родовые знаки служили талисманами, которые, будучи поставлены на площадяхъ селъ, охраняли ихъ отъ нечистой силы и привлекали на людей и животныхъ плодородіе и здоровье, а будучи взяты на войну, охраняли людей одного рода, или, говоря по малорусски, одного кода, а со временемъ сдѣлались эмблемами дворянскихъ семей. Эмблемы эти были названы *god-tani*, по тому именно, что представляли кодо, или родъ“ ³⁾.

Хотя многое изъ сказаннаго здѣсь, напримѣръ, объ обращеніи ро-

¹⁾ О нач. наслед. въ др. Русн. *Никольскаго*. Прилож. 1-е, стр. 31.

²⁾ *Historja prawod. Słowian, Maciejowskiego*, т. III, стр. 302—304.

³⁾ *Lud Ukrainsky. W.*, 1857. т. I, стр. 186.

довыхъ знаковъ Славянъ въ военныя знамена, о таинственномъ значеніи родовыхъ знаковъ можно считать только предположеніемъ, тѣмъ не менѣе предположеніе это имѣетъ значительную опору, въ первыхъ, въ тождествѣ названій какъ военнаго знамени, такъ и народныхъ знаменъ или пятенъ; во вторыхъ, въ томъ, что многіе изъ народовъ, какъ мы видѣли, на своихъ знаменахъ изображаютъ именно свои родовые знаки. Мысль о томъ, что родовымъ знакамъ приписывалось таинственное значеніе, чародѣйная сила, подтверждается авторомъ доказательствами такого рода, что у различныхъ народовъ разнымъ знакамъ, вошедшимъ въ ихъ алфавиты, придавалось значеніе охранительныхъ талисмановъ; такими, на примѣръ, были буквы х въ римскомъ алфавитѣ, у въ греческомъ и т. д.; нѣкоторые изъ знаковъ, служившихъ таврами для лошадей у восточныхъ народовъ, способствовали, по мнѣнію кочевниковъ, плодородію и сохраненію стада отъ всего дурнаго¹⁾. Мнѣніе автора можетъ быть еще подкрѣплено происхожденіемъ родовыхъ знаковъ изъ религіознаго начала. Если-жъ они имѣли, при самомъ своемъ возникновеніи, религіозное значеніе, то не удивительно, что и долго послѣ того имъ приписывались таинственныя, чародѣйственныя силы.

Измѣненіе внутренняго значенія какого-либо явленія обыкновенно сопровождается перемѣнами и въ формѣ, или во внѣшнемъ видѣ этого явленія. Отсюда, по измѣненіямъ, происходящимъ во внѣшнемъ видѣ или символахъ, можно всегда заключать о дѣйствительности измѣненій въ самомъ явленіи или предметѣ, изображаемомъ символически. Если съ этой стороны взглянуть на разбираемые нами символы, то-есть, на пятна и знамена, то можно вполне убѣдиться въ сказанномъ. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить о томъ общемъ явленіи, извѣстномъ каждому археологу, слѣдившему за историческимъ развитіемъ идей, воплощаемыхъ въ символахъ, по которому, чѣмъ глубже и живѣе сознается какая-либо идея, выраженная эмблематически, тѣмъ будетъ яснѣе и цѣльнѣе и символическое ея изображеніе; по мѣрѣ же того, какъ идея затмѣняется, создавая все смутнѣе и смутнѣе, самый символъ сбрасываетъ свою прежнюю прозрачную оболочку, черезъ которую видно все его внутреннее содержаніе, и облекается въ новую, болѣе темную; символъ становится чисто условнымъ знакомъ, подъ которымъ съ большимъ трудомъ можно узнать первичную его форму и идею, выражаемую имъ. То же самое

¹⁾ Lud Urkainsky, т. I, стр. 185, 211—212.

можно замѣтить и въ символическихъ изображеніяхъ родовъ и семей, то-есть, пятнахъ и знаменахъ: объ измѣненіяхъ, происходившихъ въ славянскихъ пятнахъ и знаменахъ съ древнѣйшихъ временъ, съ эпохи ихъ возникновенія, мы можемъ заключать только по аналогіи; слѣдить за ихъ историческимъ развитіемъ въ первыя эпохи можемъ только въ связи съ измѣненіями, происходившими въ знакахъ другихъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія.

Въ первобытную эпоху, когда человекъ влечетъ свое жалкое существованіе въ борьбѣ за жизнь съ внѣшнею природою, и главнымъ образомъ, съ міромъ животныхъ, онъ является соединеннымъ въ небольшія общества, связанныя кровнымъ родствомъ для болѣе удачной борьбы за существованіе. Каждое такое поколѣніе, или родъ, пронизанное чувствомъ зависимости отъ внѣшней природы, преимущественно же отъ царства животныхъ, обоготворяетъ то или другое живое существо, принимаетъ его имя для собственнаго наименованія и признаетъ его за свой символъ. Поэтому, въ первую эпоху развитія, родовые знаки, какъ мы видѣли, состоятъ по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которымъ поклоняются племена. Когда наши предки находились на этой ступени развитія, то навѣрно у нихъ господствовали въ родовыхъ знакахъ образы звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, по именамъ которыхъ назывались отдѣльные роды, и изображенія которыхъ они видѣли на своемъ тѣлѣ. Многочисленныя легенды и повѣрья, существующія между Славянскими племенами о различныхъ животныхъ, о неуотребленіи ихъ въ пищу, утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что и у Славянъ, какъ и у нынѣшнихъ дикарей, была своя эпоха тотемизма, когда обоготворялись эти животныя, а такіе факты, какъ встрѣчающіеся въ одной болгарской рукописи названіе Турокъ — змѣями, Русскихъ — выдрами, Литовцевъ — зубрами, Болгаръ — быками, Сербовъ — волками¹⁾, подтверждаетъ предположеніе объ извѣстности Славянамъ родовыхъ символовъ, представляемыхъ животными.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народовъ, съ переходомъ ихъ къ кочевой жизни, когда борьба съ страшнымъ животнымъ царствомъ значительно ослабѣваетъ, когда человекъ самъ становится господиномъ многихъ животныхъ, и когда духовная самодѣятельность его начинаетъ

¹⁾ Die Rechtsverhält. bei verschied. Völkern von Bastian, Berl. 1872, стр 165. Названіе одного славянскаго племени Волчками или Вильцами напоминаетъ племенные прозвища дикарей по именамъ обоготворяемыхъ ими животныхъ.

проявляться въ изобрѣтеніи многихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашней жизни, вообще при новой обстановкѣ, — животные мало по малу отступаютъ въ родовыхъ знакахъ на задній планъ, а предметы домашней жизни, которые неизвѣстны въ бродячемъ быту, занимаютъ въ числѣ символовъ первое мѣсто. Они же господствуютъ и въ символахъ земледѣльческой эпохи, пока сохраняется память о родовомъ бытѣ. Самыя изображенія теряютъ уже свои округленныя очертанія и составляются изъ нѣсколькихъ чертъ, расположенныхъ такъ, чтобы представлять выражаемый ими предметъ. Эти предметы уже не служатъ прозвищемъ для родовъ; роды получаютъ особыя наименованія, но большей части отъ имени своихъ родоначальниковъ. Тутъ ужь естественно начинается разрываться та связь между родами и предметами, служащими символами для нихъ, которая такъ ярко бросается въ глаза въ первую эпоху. Къ этому второму періоду, по своему вышнему виду, относятся и наши древніе знаки, сохранившіеся въ юридическихъ актахъ, прошедшіе чрезъ различныя фазы своего внутренняго развитія. Они имѣютъ свои особыя названія, потому что представляютъ извѣстные предметы, которые очерчиваются угловатыми и изогнутыми линіями, и при нихъ уже, какъ необходимая принадлежность, являются черточки или прямыя линіи, зародыши будущихъ рубежей.

Въ третій періодъ знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоятъ изъ рубежей, то-есть, прямыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; здѣсь символъ и выражаемое имъ понятіе связаны только своимъ историческимъ прошлымъ.

Наконецъ, въ четвертой фазѣ своего развитія клейма являються въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ именъ и фамилій ихъ владѣльцевъ. Здѣсь они вполне измѣняютъ свой первоначальный характеръ.

Разумѣется, это дѣленіе черезъ-чуръ общее, и уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону весьма возможно, какъ въ этомъ можно убѣдиться и изъ приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда фактовъ. Но тѣмъ не менѣе, оно всего болѣе удовлетворяетъ генеалогической классификаціи этихъ знаковъ.

V.

Законы развитія юридическихъ знаковъ.

Въ заключеніе нашего очерка, бросимъ краткій взглядъ на все сказанное о юридическихъ знакахъ, при чемъ постараемся уловить

тотъ общій порядокъ, которому они подчиняются при своихъ измѣненіяхъ.

Прежде всего, мы видимъ источникъ родовыхъ знаковъ въ томъ чувствѣ зависимости человѣка отъ природы, которымъ проникнуты всѣ народы во время ихъ младенчества, и которое становится источникомъ всѣхъ ихъ будущихъ мистическихъ представленій и повѣрій. Зародившись въ видѣ священныхъ родовыхъ символовъ, знаки эти подчиняются общему всей физической и нравственной природѣ закону перехода отъ одной формы въ другія; именно, въ теченіе болѣе или менѣе значительныхъ періодовъ времени, они измѣняются какъ въ своемъ значеніи, такъ и въ формѣ: будучи сначала родовыми знаками, тѣсно связанными религіознымъ чувствомъ съ представляемыми ими родами, они, съ теченіемъ времени, переходятъ въ общипные знаки, затѣмъ въ домовые, и наконецъ, въ личные. Рядомъ съ ними, и изъ нихъ же, въ равное время образуются новыя формы, составившія, съ теченіемъ времени, совершенно особые роды знаковъ. Мы говоримъ о знакахъ, которые являютя на печатяхъ, гербахъ, торговыхъ штемпеляхъ и т. д. Такимъ образомъ, намъ представляется явленіе, существующее во всей природѣ: исчезновеніе однихъ формъ и возникновеніе другихъ, хотя родственныхъ имъ, но уже значительно отклонившихся, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по внутреннему значенію. Эти переходы совершаются съ такою правильностію, что, зная законы видоизмѣненій знаковъ, можно предсказать ихъ дальнѣйшую судьбу у каждаго народа, находящагося на низшей ступени культуры, — разумѣется, если его развитіе будетъ идти естественнымъ путемъ.

Мы сказали, что знаки собственности проходятъ чрезъ нѣсколько фазисовъ своего развитія и въ каждую эпоху являются съ новыми характеристическими особенностями. Они, по своей формѣ, на столько различаются другъ отъ друга въ каждомъ фазисѣ развитія, что ихъ можно признавать за различные виды, происшедшіе отъ одного первоначальнаго типа. Развитіе знаковъ совершается подъ влияніемъ тѣхъ же законовъ, которые господствуютъ и въ мірѣ органическихъ формъ. Вопервыхъ, тутъ замѣчается дѣйствіе наслѣдственности, въ силу которой формы извѣстной эпохи передаются въ неизмѣнномъ видѣ отъ одного поколѣнія къ другому, и это происходитъ подъ влияніемъ господства въ извѣстную эпоху времени однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условий. Повторныхъ, мы замѣчаемъ явленіе измѣнимости, въ силу которой формы извѣстной эпохи мало по малу начи-

нають переходить въ новыя виды, по причинѣ происшедшихъ измѣненій въ бытовой и нравственной обстановкѣ даннаго народа, то-есть, вмѣстѣ съ переменой формъ жизни отъ бродячей къ кочевой, и отъ этой послѣдней къ земледѣльческой, съ переходомъ народа отъ родового къ общинному быту и т. д. Эта измѣняемость сопровождается борьбой за существованіе между знаками, при чемъ постепенно гибнутъ группы знаковъ болѣе слабыхъ, существованію которыхъ жизненные условія менѣе благоприятствуютъ, а также—подборомъ знаковъ болѣе удачныхъ, соответствующихъ жизненнымъ условіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякій разъ, когда въ данной странѣ измѣнятся жизненная обстановка, особи, составляющія видъ, какъ и всѣ вообще организмы, распадаются на двѣ категоріи—способныхъ устоять противъ новыхъ условій и не способныхъ къ этому. Эти послѣдніе, къ которымъ принадлежитъ значительное большинство, постепенно вымираютъ; другіе же продолжаютъ жизнь или въ прежнемъ видѣ, или измѣняясь, сообразно съ новыми условіями, и вмѣстѣ со вновь возникшими формами, даютъ начало новому виду.

Мы сказали, что въ сферѣ разсматриваемыхъ знаковъ, какъ и въ мірѣ живыхъ организмовъ, встрѣчаемся съ отдѣльными особями, которыя, обладая наибольшими способностями къ сопротивленію, постоянно остаются въ живыхъ, то-есть, переживаютъ другихъ, болѣе слабыхъ, которыя безслѣдно исчезаютъ. Но прослѣдить и указать ближайшія причины, почему одинъ изъ знаковъ исчезаетъ, а другой сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ эпохъ посреди всеобщаго и постоянного преобразованія всѣхъ другихъ, современныхъ его возникновенію, формъ, также трудно, какъ трудно сдѣлать это и относительно живыхъ существъ. Только для нѣкоторыхъ индивидуумовъ можно безъ особеннаго труда указать эту причину. Къ числу такихъ индивидуальных формъ принадлежитъ знакъ креста, который встрѣчается у нашихъ предковъ и у другихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранился до настоящаго времени, сдѣлавшись господствующимъ среди другихъ знаковъ: это, конечно, совершилось подъ вліяніемъ христіанства.

Иногда при разбираемыхъ знакахъ, какъ напримѣръ, при русскихъ знакахъ собственности второй эпохи, являются зачаточныя органы (въ данномъ случаѣ—рубежи), но это не атрофированныя частицы, какія замѣчаются въ живыхъ существахъ высшей организаціи, какъ остатки предшествовавшаго, менѣе совершеннаго, состоянія, — а такіе органы, которые способны къ дальнѣйшему развитію

№ 44—71. Знаки крестьянъ деревни Товры, Холмогорскаго уѣзда. Доставилъ крестьянинъ Короткой.

№ 72—84. Знаки крестьянъ Шепкурскаго уѣзда. Доставлены секретаремъ съѣзда мировыхъ посредниковъ Костылевымъ.

№ 85—87. Знаки крестьянъ селенія Зимней Золотицы, Архангельскаго уѣзда. Доставилъ священникъ Розановъ.

№ 88—90. Знаки крестьянъ Пинежскаго уѣзда, срисованные П. А. Ивановымъ съ приговора сельскаго схода.

№ 91—102. Знаки крестьянъ Нюхотской волости, Кемскаго уѣзда, спитые мною съ рѣшеній волостнаго суда.

№ 103—116. Срисованные мною знаки крестьянъ селенія Сюзьмы, Архангельскаго уѣзда.

№ 117—136. Знаки эти срисованы мною въ городѣ Холмогорахъ и принадлежать живущимъ здѣсь крестьянамъ, также мѣщанамъ и кушцамъ; у послѣднихъ клейма именныя.

Многіе изъ знаковъ собственности русскаго населенія Архангельской губерніи изображены здѣсь по нѣскольку разъ, для того, чтобы показать однообразіе знаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи.

№ 137—144. Заимствованы изъ изданія археографической комиссіи: Акты юридическіе. С.-Пб. 1838 г., стр. 185 и 213; эти старинныя русскіе бортныя знаки.

№ 145—153. Заимствованы изъ изданія археографической комиссіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й. С.-Пб. 1864 г., стр. 558. Это тоже русскіе бортныя знаки.

№ 154—164. Старинныя знаки бортниковъ Черемисовъ. Акты юридич., стр. 213.

№ 165—196. Знаки Лопарей. Взяты изъ книги сдѣлокъ Кольскаго Печенегскаго монастыря 1734 г., находящейся въ Холмогорскомъ соборѣ, также изъ дѣлъ Холмогорскаго уѣзднаго суда 1821 и 1828 гг. по иску Лопарей съ крестьянина Негодяева.

№ 197—303. Корельскіе знаки. Взяты изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и книгъ договоровъ Корельскихъ волостей Архангельской губерніи.

№ 304—313. Изъ книги Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ Черемисовъ, Чувашъ и Вотяковъ“. С.-Пб. 1791 г., стр. 64.

№ 314. Знакъ Темниковскаго Татарина. Взятъ изъ изданія Археографической комиссіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й, стр. 433.

ИМЕНКО.

213 214 215 216 217 218 219 220

Ж 7 4 (К П М X

226 227 228 229 230 231 232 233 234

Т О X C A H X A K H

241 242 243 244 245 246 247 248 249

□ ∞ □ A Z X H T X

257 258 259 260 261 262 263 264 265 266

△ H △ Δ K F A I I I I I

273 274 275 276 277 278 279 280 281

H Z X X M O X Z X S

288 289 290 291 292 293 294 295 296 297

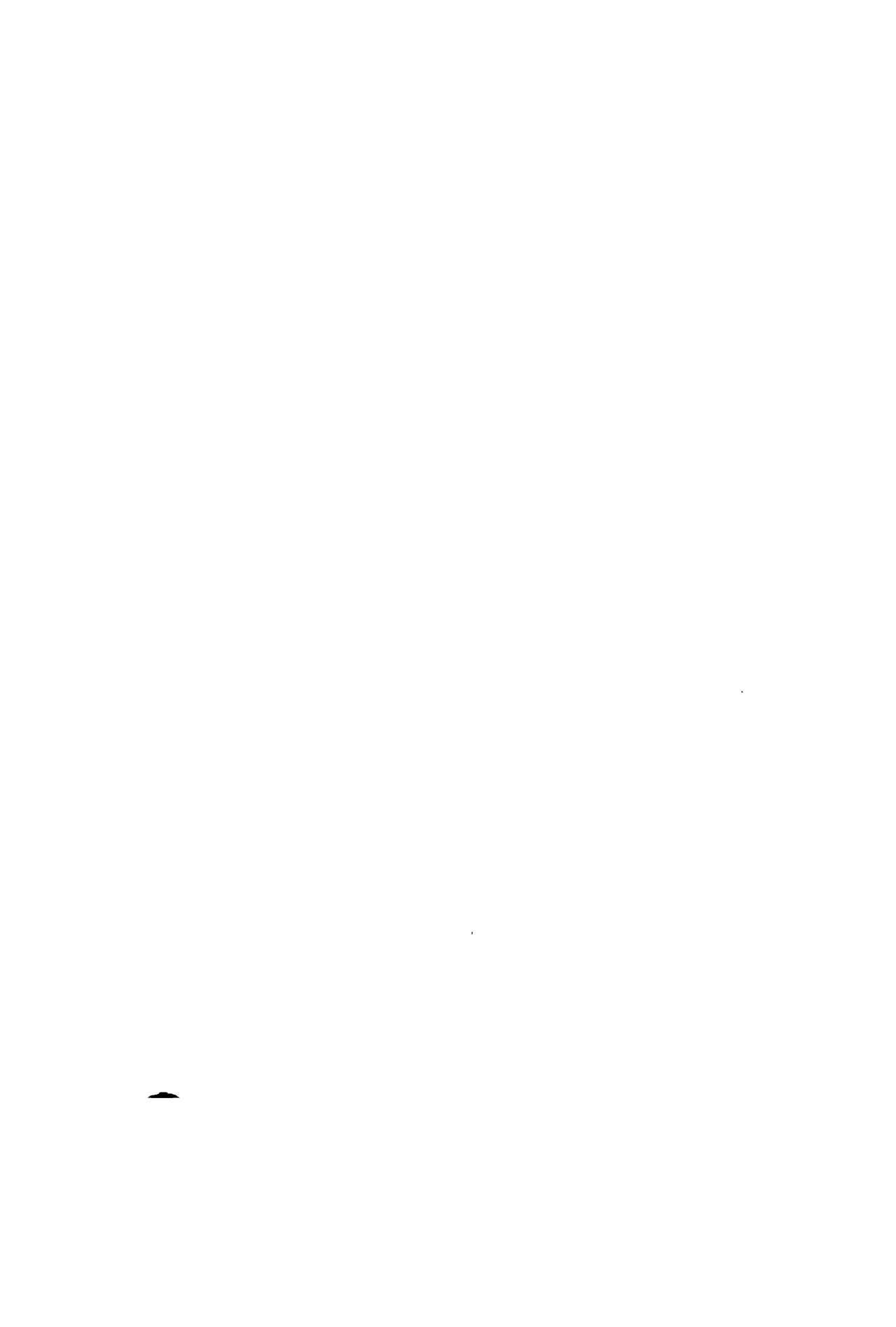
X P M H Y H H 2 H H

303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313

F Z C X Y G + H Y H W

318 319 320 321 322 323

△ (9) 8 V E O

№ 315. Родовой знакъ черкесскаго племени Джигитовъ. Доставилъ П. С. Познанскій.

№№ 316—350. Родовые и личные знаки Калмыковъ Астраханской губерніи. Изъ книги: Калмыцкая степь Астраханской губерніи, изданной министерствомъ государств. имуществъ. С.-Пб. 1868 г., приложеніе.

№№ 351—360. Родовыя клейма Киргизъ Малой Орды. Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды.

№№ 361—365. Родовые знаки сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, заимствованныя изъ книги Тайлора: Историческій бытъ челоуѣка. М. 1868 г., стр. 108. Здѣсь изображены: мѣднохвостый мѣдвѣдь, акула, зимородокъ, черепаха и журавль.